ЮБИЛЕЙ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА.

27-го Декабря 1854.

Составлено КС. ПОЛЕВЫМЪ.

МОСК. ГЛ. АРХИВЪ МИН. ИН. ДѢЛЪ
Библиотека Бар. Ф. Р. ОСТЕНЪ-САКЕНА
№

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1855.

Пров. 1955

PV
3117
Пол

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Іюня 9 дня, 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

193504

ЮБИЛЕЙ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА,

27-го Декабря 1854 года.

Въ Исторіи Русской Литературы должно быть отмѣчено 27-е Декабря 1854 года: день, въ который избранное петербургское общество отпраздновало юбилей литературной дѣятельности Николая Ивановича Греча. Чтобы вѣрно оцѣнить значеніе этого празднества, перваго въ своемъ родѣ въ Россіи, послѣ юбилея, даннаго въ 1838 году И. А. Крылову, должно, прежде всего, съ радостнымъ чувствомъ вспомнить, что Государь Императоръ, Высочайшимъ соизволеніемъ Своимъ выразить заслуженному литератору общую признательность за полезные труды его, оказалъ тѣмъ вниманіе всѣмъ русскимъ литераторамъ, и утвердилъ ихъ въ убѣжденіи, что полезная дѣятельность на этомъ поприщѣ такъ же можетъ заслужить отеческое Его одобреніе, какъ и другіе полезные и больше блистательные труды. Это событіе, счастливое для Русской Литературы, было, такимъ образомъ, праздникомъ всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи.

Литературныя заслуги и жизнь Н. И. Греча извѣстны намъ, Русскимъ: они изложены и въ біографическомъ очеркѣ, [1]) и въ рѣчахъ, далѣе сего слѣдующихъ. Избѣгая повтореній, ограничимся здѣсь только разсказомъ, какимъ образомъ составилась и была приведена въ исполненіе мысль о юбилеѣ Н. И. Греча, какъ началось и какъ совершилось это достопамятное торжество.

Не одни друзья и знакомые Н. И. Греча, но и всѣ, кто зналъ, что исполнилось уже пятьдесятъ лѣтъ литературной его дѣятельности, желали выразить ему признательность за труды его, полезные отечеству. Нѣсколько поколѣній людей образованныхъ воспиталось, безпрерывно повторяя имя его какъ журналиста, какъ изслѣдователя Русскаго Языка, какъ составителя лучшихъ русскихъ грамматикъ, какъ литератора остроумнаго и пріятнаго, всегда готоваго способствовать всѣмъ успѣхамъ, всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ въ Русской Литературѣ. Если Крылова называли *дѣдушкой* юныхъ поколѣній, то Н. И. Греча справедливо назвать *учителемъ* ихъ въ Русскомъ Языкѣ, въ Русской Словесности. При такомъ расположеніи всей нашей образованной публики, извѣщеніе о юбилеѣ Н. И. Греча было встрѣчено въ Петербургѣ съ общимъ, искреннимъ удовольствіемъ. Изъ объявленія, напечатаннаго въ газетахъ, узнали, что «Государь Императоръ, въ милостивомъ вниманіи къ литературнымъ заслугамъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Николая Ивановича Греча, Высочайше соизволилъ разрѣшить отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей полезной его дѣятельности, и поднести ему, въ память этого случая, кубокъ или другую какую либо вещь.»

---

[1]) См. Приложеніе I.

Высочайшее соизволеніе было испрошено чрезъ Г. Министра Императорскаго Двора, къ вѣдомству котораго принадлежитъ Н. И. Гречъ по званію почетнаго члена Императорской Публичной Библіотеки. Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ благоволилъ довершить царскую милость соизволеніемъ на празднованіе юбилея въ зданіи 1-го Кадетскаго Корпуса.

Распорядители юбилея: Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, Генералъ-Адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, и Тайные Совѣтники: Александръ Максимовичъ Княжевичъ, Владиміръ Ивановичъ Панаевъ и Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, обратились первоначально къ Директору Императорской Публичной Библіотеки, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Барону Корфу. Модестъ Андреевичъ вошелъ съ представленіемъ о томъ къ Министру Императорскаго Двора. Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ объявилъ Высочайшее соизволеніе.

По первому о томъ извѣстію, одни спѣшили записываться въ участники объявленнаго празднества, не спрашивая, сколько надобно было внести на необходимыя издержки [1]); другіе, опоздавшіе записаться, готовы были внести тройную цѣну, только бы участвовать въ общемъ празднествѣ. Но приношенія были принимаемы только до 21-го Декабря, и послѣ сего числа всѣмъ было отказываемо. Всѣхъ участниковъ въ юбилеѣ оказалось триста семнадцать [2]). Ихъ было бы несравненно больше, какъ спра-

---

[1]) Цѣна билету не была назначена: нѣкоторые участники въ празднествѣ внесли по 50 р., по 25 р., по 15 р., иные по 10 и по 5 р.; по 2 р. 50 коп. и по одному рублю серебромъ.

[2]) Сообщаемъ списокъ ихъ, въ азбучномъ порядкѣ, въ приложеніи XII.

ведливо замѣтилъ одинъ изъ говорившихъ привѣтственныя рѣчи Н. И. Гречу, если бъ современныя событія не увлекли на поприще войны многихъ почитателей юбиляра.

Празднество происходило 27-го Декабря. Въ этотъ день, съ четырехъ часовъ пополудни, начали собираться гости въ обширныхъ залахъ 1-го Кадетскаго Корпуса. Для характеристики событія необходимо замѣтить, что зданіе Корпуса соединено для Н. И. Греча со многими воспоминаніями: тамъ жилъ и двадцать четыре года служилъ его дѣдъ, тамъ родился его отецъ. Въ самомъ выборѣ помѣщенія видно глубокое вниманіе распорядителей празднества, которые желали окружить юбиляра всѣмъ что могло быть пріятно его сердцу. И нельзя было выбрать для подобнаго празднества лучшаго помѣщенія. Нынѣшній 1-й Кадетскій Корпусъ находится въ палатахъ знаменитаго любимца Петра Великаго, Князя Александра Даниловича Меншикова, въ домѣ, богатомъ историческими воспоминаніями. Главная зала Корпуса, назначенная для торжественныхъ случаевъ, одна изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ изящныхъ въ Петербургѣ. Она въ два свѣта, украшена военными медаліонами Отечественной Войны (Графа Ѳ. П. Толстаго) въ увеличенныхъ размѣрахъ, портретами нашихъ Государей и колоссальнымъ бюстомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Величественная зала эта блистала въ вечеръ юбилея тысячьми свѣчъ, превращена была множествомъ зеленѣющихъ и цвѣтущихъ деревъ и растеній въ прекрасный садъ, и посреди ея, въ нѣсколько рядовъ поставлены были накрытые для обѣда столы, великолѣпно украшенные золотомъ, серебромъ, бронзою, хрусталемъ и цвѣтами. Въ эту залу перешли гости, когда, въ пять часовъ пополудни, явился посреди

ихъ Н. И. Гречъ, сопровождаемый распорядителями празднества: Я И. Ростовцовымъ, А. М. Княжевичемъ, В. И. Панаевымъ и Графомъ Ѳ. П. Толстымъ [1]) Прекрасна была минута, когда блестящая толпа гостей, при звукахъ громкой музыки, разлилась по обширной залѣ. На особо устроенной эстрадѣ, посреди цвѣтовъ и зелени, видно было много дамъ, желавшихъ быть свидѣтельницами литературнаго праздника; въ числѣ ихъ были семейство Николая Ивановича и нѣкоторыя русскія писательницы. Блестящіе мундиры, звѣзды и ленты перемѣшивались съ черными фраками. Русскіе собрались праздновать юбилей русскаго литератора, и все напоминало намъ русское чувство, русское одушевленіе. Музыку исполнялъ оркестръ знаменитаго Лядова.

Въ половинѣ обѣда, роскошнаго и одушевленнаго общимъ удовольствіемъ, провозглашено было, А. М. Княжевичемъ, здравіе Государя Императора. Всѣ гости отвѣчали восторженнымъ *ура*, которое долго оглашало залу, оркестръ игралъ народный гимнъ. За первымъ слѣдовалы тосты: второй, за Государыню Императрицу; третій, за Императорскую Фамилію; четвертый, за Августѣйшаго Хозяина, Благодѣтеля Военно-Учебныхъ Заведеній; пятый, за благоденствіе Россіи; шестой, за наше чудное войско; седьмой, за русское просвѣщеніе; осьмой, за честнаго дѣятеля въ пользу русскаго просвѣщенія, за нашего почтеннаго юбиляра.

Между этими тостами былъ одинъ умилительный эпизодъ. Всѣ присутствующіе были такъ проникнуты чувствомъ преданно-

---

[1]) Къ сожалѣнію общему, Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, старшій изъ распорядителей, удержанъ былъ тяжкою болѣзнію отъ участія въ юбилеѣ.

сти и благоговѣнія къ Августѣйшему Покровителю просвѣщенія Россіи, Который и при громахъ войны, оглашающихъ многіе предѣлы нашего отечества, не перестаетъ быть внимательнымъ даже къ скромному труженику-литератору, всѣ были такъ проникнуты мыслью о Великомъ Благодѣтелѣ Россіи, что, при произнесеніи тоста за благоденствіе Россіи, послѣ мгновенной общей тишины, вдругъ воскликнули: «гимнъ! гимнъ!» и при громогласномъ «ура!» снова начался торжественный народный гимнъ, которому вторили, конечно, всѣ присутствовавшіе.... Зала огласилась звуками нѣсколькихъ сотъ голосовъ. Много было умилительнаго въ этомъ выраженіи русскихъ людей, которые благоговѣйно славили своего Монарха, уносясь мыслью ко всему, что свершилъ и еще свершитъ Онъ для блага Россіи!...

Послѣ тоста за русское просвѣщеніе, господа распорядители поднесли юбиляру великолѣпный серебряный вызолоченный кубокъ, изящной работы русскаго художника Сазикова [1]). Александръ Максимовичъ Княжевичъ сказалъ ему притомъ: «Почитатели вашего таланта и вашихъ трудовъ на пользу Русскаго Языка, какъ здѣсь собравшіеся, такъ и разсѣянные по лицу обширнаго нашего отечества, просятъ васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, принять и сохранить въ вашемъ потомствѣ эту вазу, какъ знакъ ихъ общей къ вамъ любви и уваженія, на память настоящаго дня, столь пріятнаго для васъ и для нихъ, и вдвойнѣ знаменательнаго, потому

---

[1]) Съ одной стороны вазы изображено: *Николаю Ивановичу Гречу.* Съ другой. *1804—1854.* Съ третьей: *Сынъ Отечества 1812.* Съ четвертой: *Русская Грамматика.* На крышѣ вазы русскій парень, читающій книгу.

что онъ вѣнчаетъ полувѣковое поприще дѣятеля трудолюбиваго, и ободряетъ вступающихъ на путь труда.»—Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, поздравилъ Н. И. Греча съ заслуженнымъ торжествомъ, «которому положилъ основаніе изданный въ достопамятную эпоху 1812 года Сынъ Отечество и напослѣдокъ Русская Грамматика.» Тостъ юбиляра былъ провозглашенъ и принятъ единодушно. Затѣмъ Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ прочелъ стихи своего сочиненія [1]). Стихи эти возбудили искренній восторгъ слушателей, излившійся въ громкихъ рукоплесканіяхъ, и, по общему требованію, были прочтены авторомъ вторично. Толпа тѣснившихся гостей разступилась, когда къ столу, за которымъ сидѣлъ юбиляръ, стройно подошли старшіе кадеты (фельдвебель и унтеръ-офицеры) 1-го Кадетскаго Корпуса, и одинъ изъ нихъ прочелъ краткую, но проникнутую чувствомъ рѣчь, которая, конечно, была особенно пріятна юбиляру, родному, по своимъ воспоминаніямъ, съ этими цвѣтущими юношами, преемниками многихъ славныхъ предшественниковъ своихъ, получившихъ образованіе въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, старѣйшемъ изъ всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Вотъ привѣтствіе кадетъ:

«Родной дѣдъ вашъ, инспекторъ классовъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, былъ, около ста лѣтъ тому назадъ, руководителемъ образованія нашихъ давнишнихъ совоспитанниковъ.

«Отецъ вашъ родился въ нашемъ домѣ.

«Воспитанники и нашего Корпуса и всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеній учились, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, родному языку, по вашимъ наставленіямъ.

---

*) См. Приложеніе II.

«Имя Греча не можетъ не быть для насъ дорого.

«Отъ лица всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеній привѣтствуемъ, съ любовью и благодарностью, полувѣковой юбилей вашей полезной для насъ дѣятельности.»

Молодой поэтъ Николай Алексѣевичъ Арбузовъ прочелъ послѣ этого свои стихи [1]). Николай Ивановичъ не могъ долѣе удерживать своихъ ощущеній, и выразилъ ихъ въ импровизаціи, прерывавшейся только рукоплесканіями слушателей и криками: браво! Онъ говорилъ съ искренностью, которая была выше всякаго краснорѣчія, потому что въ этой искренности выражалась прекрасная душа, взволнованная благородными чувствованіями. Онъ былъ и умилителенъ, и веселъ, и даже шутливъ въ своей рѣчи: онъ былъ въ ней весь. Когда, при громкихъ рукоплесканіяхъ, онъ кончилъ рѣчь, окружавшіе стали просить его припомнить и въ первыя минуты отдыха записать эту одушевленную импровизацію. Онъ исполнилъ общее желаніе, и мы можемъ здѣсь представить ее. По крайней мѣрѣ, кто не слышалъ ея оживленной голосомъ оратора, тотъ пойметъ хоть отчасти удовольствіе, которое ощущали слушатели въ то время, когда онъ говорилъ. Вотъ эта рѣчь, выраженіе души, воспламененной признательностью:

«По принесеніи Господу Богу теплой молитвы за сохраненіе моей жизни и здоровья до нынѣшняго счастливаго дня, первымъ движеніемъ моего сердца было выраженіе вѣрноподданнической благодарности Его Величеству Государю Императору за Всемилостивѣйшее соизволеніе на празднованіе пятидесятилѣтія моей литературной дѣятельности. Великій Государь нашъ, среди трудовъ и заботъ, обременяющихъ Его въ нынѣшнее тяжкое время, благоволилъ обратить отеческое

[1]) См. Приложеніе III.

вниманіе свое на человѣка, не отличающагося ни блистательными талантами, ни обширною ученостью, но преисполненнаго любовью къ Нему и къ отечеству, трудолюбиваго и благонамѣреннаго. Второю лестною для меня наградою было милостивое соизволеніе Его Императорскаго Высочества, Государя Цесаревича Наслѣдника Престола, отпраздновать мой юбилей въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, съ которымъ соединяются сладостныя для меня семейственныя воспоминанія и преданія. — Если я умолчу, заговорятъ стѣны сего зданія. Здѣсь возникло и разцвѣло просвѣщеніе и образованіе Россіи. За сто двадцать два года предъ симъ учреждено было первое въ Россіи свѣтское учебное заведеніе, Сухопутный Кадетскій Корпусъ, и въ немъ получили воспитаніе многіе государственные люди, военачальники и писатели русскіе. Императрица Екатерина II, по всей справедливости, называла кадетскій корпусъ разсадникомъ великихъ людей. И этотъ вертоградъ отечественнаго просвѣщенія не оскудѣлъ, напротивъ послужилъ началомъ и основаніемъ другимъ подобнымъ заведеніямъ. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II было въ Россіи всего четыре военно-учебныя заведенія, въ которыхъ воспитывались около полуторы тысячи человѣкъ. По отчету же, представленному начальствомъ сихъ заведеній за двадцать пять лѣтъ со времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, было въ Россіи въ 1851 г., военно-сухопутныхъ учебныхъ заведеній двадцать три, и въ нихъ до десяти тысячъ воспитанниковъ. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ выпущено четырнадцать тысячъ пятьсотъ офицеровъ. И какихъ? Подите на поля брани, и спросите о томъ у враговъ нашихъ. Они засвидѣтельствуютъ о геройскихъ подвигахъ русскихъ офицеровъ. Не говорю уже о тѣхъ, которые, долговременною службою и опытностью, пріобрѣли права на уваженіе и почести. За полгода предъ симъ, въ этой самой залѣ, молодые воспитанники кадетскихъ корпусовъ, отчасти еще дѣти, экзаминовались на офицерскіе чины. И съ тѣхъ поръ сколько изъ нихъ уже заплатили долгъ отечеству смертью на полѣ брани или тяжкими ранами, которыя они переносили съ геройскимъ терпѣніемъ, радостно страдая за славу своего Государя и отечества. — Этимъ обязаны Военно-Учебныя Заведенія родительскимъ о нихъ попеченіямъ

Ихъ Императорскихъ Высочествъ покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича, и нынѣшняго своего Главнаго Начальника, Государя Цесаревича.

«На продолжительномъ пути, пройденномъ мною, блатотворныя свѣтила озаряли путь сей, согрѣвали мою душу, и давали мнѣ силы дѣйствовать на пользу общую. Покойному Государю Императору Александру Павловичу обязанъ я воспитаніемъ. Его щедротами, Его неоцѣненнымъ вниманіемъ поощряемъ я былъ въ трудахъ моихъ, и до конца дней сохраню благоговѣйное о великомъ, мудромъ и кроткомъ Государѣ воспоминаніе. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна осчастливила меня, принявъ въ службу по своимъ благотворительнымъ заведеніямъ, жаловала и награждала сверхъ заслугъ моихъ. Вещественные знаки Ея неоцѣненнаго вниманія хранятся священнымъ завѣтомъ въ моемъ семействѣ, а милостивыя слова Ея, благосклонная улыбка одобренія — запечатлѣны навѣкъ въ моемъ сердцѣ. — Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ осчастливилъ меня лестнымъ и важнымъ порученіемъ, котораго я, къ сожалѣнію моему, при жизни Его Высочества не успѣлъ исполнить, но довершилъ въ управленіе Военно-Учебными Заведеніями Августѣйшаго Его Преемника. Его Императорское Высочество покойный Принцъ Георгій Ольденбургскій, по званію попечителя училища, въ которомъ я служилъ при немъ, благоволилъ ко мнѣ, и не оставлялъ меня до своей кончины ободрительнымъ своимъ вниманіемъ.

Теперь, Мм. Гг., позвольте мнѣ обратиться къ началу моего поприща, къ туманнымъ воспоминаніямъ младенческихъ лѣтъ, совпадающимъ съ послѣднимъ десятилѣтіемъ XVIII вѣка, съ послѣдними годами царствованія Императрицы Екатерины II, которую я, въ дѣтствѣ моемъ, имѣлъ счастіе видѣть нѣсколько разъ. Изъ этого времени остались въ моей памяти лики моихъ родителей: моего добраго, честнаго, безкорыстнаго отца, моей любезной матери, женщины возвышенной умомъ и образованіемъ, одаренной добрымъ сердцемъ и кроткимъ нравомъ, чадолюбивой и добродѣтельной. Она выучила меня читать, она внушила мнѣ любовь къ познаніямъ и словесности; она, постигнувъ нѣжнымъ женскимъ чувствомъ все величіе Карамзина, старалась передать мнѣ вкусъ и склон-

ность къ изящному, благородному, возвышенному въ мірѣ и въ литературѣ, старалась внушить мнѣ понятія и правила истиннаго христіанина. Ей, исключительно ей, обязанъ я, если успѣлъ сдѣлать что либо хорошее въ жизни, если принесъ пользу моимъ ближнимъ. Съ нею раздѣляетъ мою вѣчную благодарность братъ ея, мой дядя, Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ, бывшій руководителемъ моихъ отроческихъ лѣтъ, учившій меня математикѣ, указывавшій мнѣ законы мышленія, и обязанности человѣка и вѣрноподаннаго. Къ несчастію моему, лишился я его слишкомъ рано: кончина его совпадаетъ со вступленіемъ моимъ на поприще службы и занятій словесностью. Еще долженъ я упомянуть, съ выраженіемъ искренней признательности, о другомъ близкомъ мнѣ родственникѣ со стороны моего отца, Павлѣ Христіановичѣ Безакѣ, воспитанникѣ Сухопутнаго Корпуса, въ которомъ отецъ его, занявшій мѣсто моего дѣда, служилъ въ теченіе сорока лѣтъ съ честью и славою. Павелъ Христіановичъ, человѣкъ большаго ума и необыкновенныхъ дарованій, замѣтивъ во мнѣ склонность къ ученію, поощрялъ и одобрялъ мои первые опыты; подаривъ мнѣ собраніе полезныхъ книгъ, положилъ основаніе моей библіотекѣ, далъ средства пріобрѣсть необходимыя для меня познанія, и до самой кончины своей былъ мнѣ руководителемъ и другомъ.

«Я получилъ воспитаніе въ Юнкерскомъ Институтѣ, учрежденномъ въ царствованіе Императора Павла Петровича при Сенатѣ, для образованія гражданскихъ чиновниковъ. Съ душевною признательностью вспоминаю о моихъ почтенныхъ наставникахъ: Михаилѣ Никитичѣ Цвѣтковѣ, Павлѣ Петровичѣ Острогорскомъ, Борисѣ Ивановичѣ Иваницкомъ и Павлѣ Христіановичѣ Шлейснерѣ.

«Семейная жизнь, дѣтство есть заглавіе, а школа предисловіе въ книгѣ нашей жизни. Дитя, въ эти годы, есть сѣмячко, повѣряемое лону матери земли, въ которой оно, въ теплѣ и неизвѣстности, развивается и пускаетъ ростокъ, но лишь только этотъ ростокъ выглянетъ на свѣтъ, встрѣчаютъ и терзаютъ его бѣды всякаго рода: и солнце печетъ, и дождь сѣчетъ, и вѣтеръ вырываетъ, и сосѣднія растенія тѣснятъ и жмутъ его. Потребенъ трудъ добраго и попечительнаго земледѣльца, чтобъ юное растеніе не засохло, не погибло. Такихъ благодѣтелей

и хранителей послалъ мнѣ Богъ въ первые годы вступленія моего въ свѣтъ. Позвольте мнѣ наименовать предъ вами тѣхъ почтенныхъ особъ, которыя были моими благодѣтелями въ жизни, которыя, предстательствомъ у Высочайшаго Престола, личнымъ своимъ покровительствомъ и одобреніемъ, и наконецъ другими пособіями, облегчили мнѣ тернистую дорогу въ свѣтѣ. Первымъ изъ нихъ былъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. Въ званіи директора Юнкерскаго Института, онъ отличилъ меня за успѣхи въ наукахъ, ободрилъ, приблизилъ къ себѣ, ввелъ въ свой домъ, бывшій мѣстомъ сходбища ученыхъ, литераторовъ и артистовъ, знаменитостей и талантовъ во всѣхъ родахъ, помогалъ мнѣ всячески при началѣ Сына Отечества, исходатайствовалъ мнѣ у Государя значительное по тому времени денежное пособіе, и во всю свою жизнь былъ мнѣ истиннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ Безъ его великодушнаго пособія, безъ его поощрительнаго одобренія никакъ не могъ бы я достигнуть цѣли, которую предположилъ, посвятивъ себя наукамъ и литературѣ. По кончинѣ моего благотворителя просилъ я какъ милости, чтобъ мнѣ позволили принять участіе въ церемоніи его погребенія: пронесъ изъ Большой Морской до Александро-Невской Лавры, предъ гробомъ его, александровскую ленту, обливая ее горячими слезами искренней благодарности. — Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, за сорокъ восемь лѣтъ предъ симъ, поднесъ покойному Государю мой переводъ одной политической брошюры, и я получилъ за этотъ трудъ первую царскую награду, вотъ эти самые золотые часы. Священнымъ долгомъ поставляю исчислить предъ вами имена особъ, которымъ я былъ обязанъ въ жизни, въ службѣ, въ занятіяхъ литературою и науками: Графа Александра Сергѣевича Строганова, Князя Виктора Павловича Кочубея, Графа Николая Петровича Румянцова, Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, Осипа Петровича Козодавлева, Высокопреосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго, Графа Егора Францовича Канкрина, Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, Дмитрія Васильевича Дашкова, Графа Михайла Михайловича Сперанскаго, Графа Павла Петровича Сухтелена, Григорія Ивановича Вилламова, Карла Ѳедоровича Модераха, Ивана Ѳедоровича Савра-

сова, Николая Мартьяновича Сипягина, Максима Яковлевича фонъ-Фока, Якова Александровича Дружинина, Гаврила Герасимовича Политковскаго, Барона Людвига Ивановича Штиглица, Ивана Осиповича Тимковскаго, Дмитрія Максимовича Княжевича, Ивана Мартыновича Борна, Дмитрія Ивановича Языкова, Іоанна Муральта, Ивана Ивановича Вейсе и Маріи Христіановны Ришаръ.

«Называю однихъ отшедшихъ уже изъ здѣшняго міра, но не могу не присовокупить къ нимъ имени еще одного почтеннаго мужа, который находится въ живыхъ, Графа Сергія Семеновича Уварова, который сдѣлалъ мнѣ много добра въ молодые мои годы. Къ именамъ сихъ знаменивыхъ и извѣстныхъ людей присовокупляю имя простаго русскаго человѣка, санктпетербургскаго мѣщанина, бумагопродавца Алексѣя Алексѣевича Завѣтнова, который, при начатіи мною Сына Отечества, по влеченію пламеннаго патріотисма и по дружбѣ ко мнѣ, помогъ мнѣ самымъ безкорыстнымъ и благороднымъ образомъ.

«Званіе литератора, писателя, избралъ я по собственному своему, безотчетному желанію. Съ дѣтскихъ лѣтъ казалось мнѣ большимъ счастіемъ быть сочинителемъ и имѣть типографію. И этимъ счастіемъ я насладился вполнѣ. Признаюсь, и нынѣ, послѣ пятидесятилѣтнихъ занятій, трудовъ и опытовъ на этомъ поприщѣ, если бъ слѣдовало избрать мнѣ путь въ жизни, я не избралъ бы другаго. И теперь пошелъ бы въ сотрудники журнала, рублей по пяти съ листа. Одною изъ важныхъ выгодъ званія литератора считаю я то, что онъ имѣетъ случай и возможность быть близкимъ, знакомымъ, дружнымъ съ лицами первостепенныхъ заслугъ и дарованій, со всѣмъ, что нація представляетъ свѣту благороднаго и блистательнаго. Такъ я зналъ лично Державина, Дмитріева, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Грибоѣдова, Пушкина, Гнѣдича, Загоскина, Зедделера, Полеваго, съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ въ пріязни и въ дружбѣ. Вообще я былъ въ пріятныхъ и часто въ короткихъ связяхъ со всѣми благородными и достойными литераторами русскими, и съ нѣкоторыми писателями иностранными. Не исчисляю ихъ именъ: сердце мое ихъ хранитъ, помнитъ и любитъ, но память можетъ измѣнить, и неумышленный пропускъ имени котораго либо изъ нихъ можетъ

быть перетолкованъ въ иную сторону. Къ тому же иное имя промелькнетъ въ ушахъ слушателей моихъ ничтожнымъ звукомъ, между тѣмъ, какъ ликъ милаго человѣка окруженъ въ памяти моего сердца радужными лучами. И не однихъ товарищей, сотрудниковъ, литераторовъ вспоминаю въ сію минуту. Обнимаю взоромъ и памятью всѣхъ тѣхъ, которые, своею дружбою, своимъ сочувствіемъ, своимъ соучастіемъ, услаждали и возвышали жизнь мою. И въ сію священную минуту, мнится мнѣ, милыя ихъ тѣни носятся невидимо вокругъ меня, привѣтствуютъ меня нѣжною улыбкою, и манятъ къ себѣ. Скажу съ Жуковскимъ:

И можетъ быть, въ странѣ иной
Еще любовью незабытой
Ихъ бытіе и мнѣ слито,
Какъ прежде, съ нашимъ бытіемъ.
И мнѣ съ милыми родными
Они бесѣдуютъ душой,
И знаясь съ тратами земными,
Дѣля ихъ, не смущаясь ими,
Подчасъ утѣхой не земной
На сердце наше налетаютъ,
И сердцу тихо возвращаютъ
Надежду, вѣру и покой.

«Обращусь къ живымъ, къ вамъ почтенные и любезные учредители и распорядители драгоцѣннаго мнѣ торжества. Знакомство, пріязнь, дружба наша не со вчерашняго дня. Помню и вижу васъ молодыми, бодрыми, исполненными обаяній и надеждъ. Заслугами вашими, справедливымъ воздаяніемъ правосудныхъ Монарховъ, вы возведены на высокія степени въ службѣ и обществѣ, но сердца ваши, доброе ваше ко мнѣ расположеніе остались тѣ же, какъ и въ то время, когда я васъ зналъ камеръ-пажами, студентами, флота мичманами. Чувствую и цѣню вашу неизмѣнную пріязнь, и въ твердомъ упованіи, что она продлится и за гробомъ моимъ, въ сей торжественной часъ поручаю вамъ судьбу сиротъ, моихъ внучатъ. Вы знаете, что я имѣлъ несчастіе пережить обоихъ моихъ сыновей: одинъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, другой уже полезнымъ гражданиномъ, уважаемымъ литераторомъ, оставивъ троихъ дѣтей. Старшему моему внуку осьмой годъ, а мнѣ шестьдесятъ осьмой. Имъ пред-

стоитъ, можетъ быть, вскорѣ осиротѣть вторично. Вамъ, мои почтенные друзья, поручаю судьбу моихъ любезныхъ. Замѣните имъ отца и дѣда, потщитесь, чтобъ честное имя нашей фамиліи сохранилось и въ нихъ, чтобъ они, какъ люди благородные и образованные, были достойны служить Государю и Отечеству, а въ случаѣ надобности и умереть за нихъ.

«Заключу слова мои выраженіемъ искренней благодарности всѣмъ вамъ, мои почтенные и любезные гости, за участіе, которое вы приняли въ торжествѣ нынѣшняго дня. Ваза эта, полученная мною отъ васъ, останется въ моемъ семействѣ памятникомъ вашего ко мнѣ вниманія и благорасположенія. Не знаю награды выше признательности людей благородныхъ и просвѣщенныхъ. Чего мнѣ пожелать вамъ въ жизни? Желаю того, чѣмъ наградило меня Всемилосердое Провидѣніе: желаю и вамъ дожить до торжества пятидесятилѣтія вашей службы и дѣятельности. Желаю вамъ дожить этого срока не по календарю только, а такъ какъ дожилъ я, сохранивъ свои силы физическія и душевныя. Я работаю до сихъ поръ какъ молодой человѣкъ, наслаждаюсь удовольствіями жизни, изящными искусствами, театромъ, музыкою, дружескою бесѣдою — безъ скуки и пресыщенія. Въ молодости корпѣлъ я надъ грамматикою. Теперь перевожу стихи Шиллера и Гейне, на дняхъ скропалъ водевиль, возбуждающій усердный смѣхъ публики Александринскаго Театра, сочиняю эпиграммы, даже мадригалы, и недавно написалъ къ одной прекрасной дамѣ такое пламенное посланіе, что старуха, жена моя, перепугалась до смерти »

Еще не умолкли рукоплесканія, когда почтенный осьмидесятидвухъ-лѣтній старецъ, Иванъ Петровичъ Бунинъ, обратился къ юбиляру съ слѣдующею рѣчью:

«Сорокъ лѣтъ постоянно пользовался я и пользуюсь вашимъ, Николай Ивановичъ, дружескимъ расположеніемъ, а потому надѣюсь, что мнѣ дозволено будетъ сказать нѣсколько словъ въ привѣтствіе вамъ, при столь многочисленномъ собраніи особъ, соединившихся праздновать пятидесяти-лѣтній юбилей трудовъ вашихъ на поприщѣ родной нашей

Русской Словесности, къ которой начально ведетъ насъ вами изданная грамматика Я намѣренъ былъ высказать предъ вами подвиги ваши и благородную признательность вашу тѣмъ, которые способствовали вамъ къ вступленію на поприще Русской Словесности; но вы предупредили меня сказанною вами рѣчью, упомянувъ въ ней и о мѣщанинѣ, оказавшемъ вамъ услугу. Радостно совершающееся теперь торжество друзей вашихъ происходитъ въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ, въ которыхъ достойный дѣдъ вашъ преподавалъ науки кадетамъ тогдашнаго Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. — И число гостей вашихъ удвоилось бы, если бъ нынѣшнія военныя дѣйствія не увлекли многихъ изъ нашей сѣверной столицы Но всего прискорбнѣе намъ то, что общій другъ нашъ, достойный Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, по случаю болѣзни, не участвовалъ съ нами въ праздноваиіи вашего юбилея, въ учрежденіи котораго участвовалъ онъ такъ дѣятельно и усердно. И онъ конечно сказалъ бы вамъ спичъ молодецкій [1]). Въ заключеніе сего слабаго моего привѣта,

Я оканчиваю предъ всѣми мою рѣчь —
Да здравствуетъ всегда любезнѣйшій намъ Гречъ!»

Вслѣдъ за этимъ привѣтствіемъ извѣстный писатель, краснорѣчивый профессоръ Военной Академіи, Петръ Семеновичъ Лебедевъ, воспользовавшись однимъ отзывомъ И. П. Бунина, дополнилъ его мысль слѣдующими словами, излившимися изъ сердца, и высказанными съ увлекательнымъ жаромъ:

«Позвольте мнѣ прибавить нѣсколько словъ къ задушевной рѣчи моего почтеннаго предшественника Онъ сказалъ, что если бъ теперь не было военныхъ дѣйствій, то число гостей на нашемъ празднествѣ удвоилось бы: нѣтъ! оно бы удесятерилось, ибо, кромѣ упомянутыхъ вами, Николай Ивановичъ, четырнадцати тысячъ русскихъ офицеровъ, учившихся по вашей грамматикѣ, по ней учились также еще тридцать шесть тысячъ, произведенныхъ въ настоящее благополучное царствованіе. Всѣ они, съ

[1]) Петръ Ивановичъ набросалъ нѣсколько строкъ привѣтственной рѣчи, которую хотѣлъ прочитать на юбилеѣ. Сообщаемъ ихъ въ приложеніи IV.

знаніемъ роднаго языка, пріобрѣли новое средство съ честію служить своему отечеству.... И въ числѣ этихъ пятидесяти тысячъ есть Двое, Которые одни стоятъ цѣлой арміи. Не называю Ихъ по имени, вся Россія зоветъ Ихъ — истинно русскими молодцами.»

Многіе друзья и чтители Николая Ивановича Греча не были на его юбилеѣ просто по отсутствію изъ Петербурга. Доказательствомъ тому служитъ большое число писемъ, стихотвореній и разнаго рода привѣтствій и поздравленій, которыя получилъ Н. И. Гречъ не только изъ разныхъ мѣстъ Россіи, но и изъ-за границы. Мы убѣдили его избрать изъ нихъ хоть нѣкоторыя, и дозволить напечатать въ приложеніяхъ къ нашему описанію его юбилея [1]). Несомнѣнно, что если бы могли собраться вмѣстѣ всѣ почитатели заслугъ Н. И. Греча, то не нашлось бы залы, гдѣ бы они могли помѣститься. Но всѣ эти почитатели, конечно, и въ отсутствіи праздновали вмѣстѣ съ нами 27-е Декабря 1854 года, зная, что въ этотъ день былъ въ Петербургѣ юбилей всѣми уважаемаго, любимаго, заслуженнаго писателя.

Послѣ рѣчи Г. Лебедева были еще прочитаны поздравленія Наркисомъ Ивановичемъ Тарасенко-Атрѣшковымъ, Гавріломъ Степановичемъ Поповымъ, и рѣчь Ксенофонтомъ Алексѣевичемъ Поповымъ [2]). Н И. Гречъ вновь началъ говоритъ, благодарилъ всѣхъ, и дополнилъ свою импровизацію еще нѣсколькими воспоминаніями. Читатели вообще могутъ видѣть, что признательное сердце его больше всего выражалось въ одушевленномъ словѣ *благодарность*. Но она обращалась не столько къ присутствовавшимъ, которые видѣли, какъ глубоко чувствовалъ онъ ихъ любовь

[1]) См. Приложеніе XI.

[2]) См. Приложеніе V, VI и VII.

и дружбу, сколько къ *прежнимъ, отшедшимъ* друзьямъ и благодѣтелямъ его юности и многихъ прошедшихъ дней. Онъ обратился къ одному изъ господъ распорядителей съ вопросомъ:

«Упомянулъ ли я о Графѣ Ѣенкендорфѣ, о Графѣ Канкринѣ, объ Иванѣ Осиповичѣ Тимковскомъ? . . Извините, мм гг., въ увлеченіи я могъ пропустить нѣкоторыя дорогія мнѣ имена, но мнѣ было бы прискорбно, если бы подумали, что я забылъ хоть одного изъ моихъ друзей и благодѣтелей. Не называю всѣхъ живыхъ, къ кому сердце мое исполнено благодарностью, но хочу съ любовью назвать всѣхъ, кто услаждалъ и облегчалъ мнѣ трудный путь жизни, и уже кончилъ свое земное поприще. Позвольте мнѣ выразить еще чувства искренней признательности тѣмъ лицамъ и сословіямъ, которыя, при нынѣшнемъ торжествѣ моемъ, выразили свое ко мнѣ участіе. Въ началѣ скажу, что почтенный Настоятель Соловецкой Обители, Архимандритъ Александръ, находящійся нынѣ здѣсь въ Петербургѣ, благословилъ меня, на сей священный для меня день, иконою Соловецкихъ Чудотворцевъ Зосимы и Савватія. Имя Архимандрита Александра памятно и дорого Церкви и Отечеству. Онъ воскресилъ и повторилъ подвиги знаменитаго Авраамія Палицына, защитника Троицкія Лавры, который, достойно замѣчанія, былъ постриженъ, и въ послѣдствіи погребенъ въ Обители Соловецкой, гдѣ онъ дожилъ знаменитый вѣкъ свой. Въ то же время получилъ я съ Аѳонской Горы, изъ Новой-Русской Андреевской Обители, отъ Игумена Виссаріона съ братіею, образъ Пресвятыя Богородицы Византійскія Исправляющій должность градскаго главы воронежскаго, Г. Рубцовъ, прислалъ мнѣ въ даръ складные образа Святаго Николая Чудотворца Мирликійскаго и Святителя Митрофонія, освященные на мощахъ Угодника Воронежскаго. — Начальство Императорской Публичной Библотеки, въ которой я имѣю счастіе состоять тридцать осьмой годъ, удостоивъ меня въ нынѣшнемъ году званіемъ ея почетнаго члена, дозволяющимъ мнѣ носить этотъ мундиръ, драгоцѣнный мнѣ по воспоминаніямъ лѣтъ минувшихъ, почтило меня лестнымъ письменнымъ поздравленіемъ [1]). Сверхъ

[1]) См. Приложеніе VIII

того удостоился я получить поздравленія отъ начальства Главнаго Училища при Евангелической Церкви Св Петра [1]), въ которомъ имѣлъ честь служить слишкомъ за сорокъ лѣтъ предъ симъ, отъ Берлинскаго Военно-Ученаго Общества [2]), приглашавшаго меня въ свои занимательныя собранія во время пребыванія моего въ Берлинѣ въ прошедшемъ году Въ то же время получилъ я нѣсколько чрезвычайно мнѣ пріятныхъ привѣтствій и отзывовъ, на разныхъ языкахъ, въ стихахъ и въ прозѣ [3]). Г. книгопродавецъ Юнгмейстеръ собралъ и принесъ мнѣ въ даръ не только всѣ напечатанныя мною въ теченіе пятидесяти лѣтъ мои сочиненія и переводы, но и всѣ ихъ изданія Житель города Ростова, Николай Ѳедоровичъ Земскій [4]), прислалъ мнѣ портретъ мой, написанный въ этомъ городѣ [5]) очень искусно на финифти Не могу исчислить всѣхъ знаковъ участія и благоволенія, которыхъ я удостоился при нынѣшнемъ случаѣ. Могу только благодарить, въ избыткѣ сердца, радостными слезами. Теперь, въ заключеніе, позвольте мнѣ, любезные мои гости, произнесть тостъ за ваше здоровье, и пожелать вамъ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ »

Передаемъ здѣсь только главныя мысли заключительной рѣчи Н. И. Греча; но нельзя передать чувства, съ какимъ выражалъ онъ свои благородныя воспоминанія. Слушатели вполнѣ раздѣляли это прекрасное одушевленіе: рукоплесканія и привѣтствія краснорѣчивому оратору слышались со всѣхъ сторонъ. И нельзя было не сочувствовать умилительной бесѣдѣ, въ которой ораторъ разсказалъ всю свою жизнь, всѣ главныя стремленія души своей! Н. И. Гречъ говорилъ точно съ друзьями: онъ могъ видѣть это

---

[1]) См Приложеніе IX.

[2]) См Приложеніе X.

[3]) См Приложеніе XI

[4]) Членъ корреспондентъ Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и Ярославскаго Общества Сельскаго Хозяйства

[5]) Ростовскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Андреевичемъ Сальниковымъ

во всѣхъ, кто окружалъ его въ этотъ достопамятный для него вечеръ.

Между тѣмъ раздавали всѣмъ гостямъ упомянутую выше книжку, составленную А. В. Висковатымъ нарочно для юбилея, подъ заглавіемъ: «*Николай Ивановичъ Гречъ, біографическій очеркъ*», съ портретомъ, рисованнымъ на камнѣ В. Ѳ. Тиммомъ[1]). Рѣчь кадетъ и стихи В. Р. Зотова также были напечатаны, и раздавались посѣтителямъ. Передъ столомъ, за которымъ сидѣли юбиляръ, распорядители и почетные гости, былъ другой столъ, весь уставленный сочиненіями и переводами Н. И. Греча, собранными и поднесенными ему (какъ онъ сказалъ въ своей рѣчи) отъ усердія книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера.

Около девяти часовъ вечера кончился нашъ достопамятный литературный праздникъ, прекрасный внутреннимъ значеніемъ своимъ, прекрасный и по тому, какъ онъ совершился: блистательно, стройно, возбудивъ во всѣхъ присутствовавшихъ самыя пріятныя ощущенія. Всѣ съ благодарностью видѣли заботливость распорядителей юбилея, простиравшуюся равно ко всѣмъ гостямъ. Всѣ были благодарны имъ за прекрасное, во всѣхъ отношеніяхъ, выполненіе общей мысли.

Русской Литературѣ можно и должно процвѣтать при такомъ выраженіи общей признательности къ полезнымъ литературнымъ дѣятелямъ.

---

[1]) См. Приложеніе I.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГРЕЧЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СОЧ. АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВИСКОВАТОВА.

Въ то время, когда буря брани кипитъ почти у всѣхъ предѣловъ нашего отечества; когда ожесточенные враги ломятся къ намъ и изъ Закавказья, и изъ-за Дуная; когда они громятъ и плодоносный край Крыма, и пустынные берега бѣломорскіе; когда флоты двухъ западныхъ державъ дѣйствуютъ и въ Балтикѣ, и у Камчатки, — когда всѣ умы въ Россіи заняты событіями этой громадной войны, — въ то самое время, съ Высочайшаго разрѣшенія, совершается у насъ мирное празднество во имя наукъ и словесности. По соизволенію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, въ стѣнахъ 1-го Кадетскаго Корпуса, — старѣйшаго изъ Военно-Учебныхъ Заведеній Россіи, торжественно воздается дань уваженія и признательности къ заслугамъ на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія одного изъ самыхъ трудолюбивыхъ и полезныхъ дѣятелей на немъ — Николая Ивановича Греча.

Прежде нежели исчислимъ труды юбиляра, пріобрѣтшіе ему право на это торжественное засвидѣтельствованіе уваженія и благодарности, скажемъ нѣсколько словъ о его происхожденіи, воспитаніи и первыхъ занятіяхъ по службѣ и литературѣ.

Родъ Греча происходитъ изъ Богеміи. Предки его, протестанты, въ началѣ XVII столѣтія, избѣгая гоненія католическаго духовенства,

удалились въ Пруссію, и одинъ изъ нихъ, Михаилъ Гречъ, переселился въ Россію, но въ которое именно время, неизвѣстно. Сынъ его, Иванъ Михайловичъ, родившійся въ Россіи, учился въ Университетахъ Марбургскомъ и Лейпцигскомъ, и поступилъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, профессоромъ въ Митавскую Гимназію. Тогда Курляндія еще не принадлежала Россіи, а была отдѣльнымъ герцогствомъ, подъ заочнымъ правленіемъ Герцога Бирона. Въ 1736 году, при образованіи высшихъ классовъ, учрежденнаго за четыре года предъ тѣмъ, Сухопутнаго (нынѣ 1-го) Кадетскаго Корпуса, главный директоръ его, Фельдмаршалъ Графъ Миннихъ, по рекомендаціи Бирона, помѣстилъ въ эти классы, преподавателемъ философскихъ и историческихъ наукъ, Греча, имѣвшаго тогда званіе магистра. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ то время учебные классы Кадетскаго Корпуса назывались *Рыцарскою Академіею*.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ того, вскорѣ по прибытіи въ Россію изъ Гольстиніи Великаго Князя и Наслѣдника Петра Ѳеодоровича, Гречъ имѣлъ счастіе преподавать Его Высочеству, а потомъ и Его Супругѣ, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, всемірную политическую исторію, и до конца жизни своей сохранилъ Ихъ благосклонность. По желанію Ея Высочества, избиралъ онъ Ей книги для чтенія, и нерѣдко самъ читалъ съ Нею творенія извѣстныхъ писателей. Онъ былъ въ послѣдствіи инспекторомъ классовъ Корпуса, и скончался, въ 1760 году, въ чинѣ юстицъ-рата 5-го класса, отъ параличнаго удара, поразившаго его на экзаменѣ кадетъ, въ присутствіи Наслѣдника Престола, Главнаго Директора Корпуса.

Въ двадцатичетырехлѣтнее служеніе Ивана Михайловича въ Кадетскомъ Корпусѣ, подъ руководствомъ его, получили образованіе многіе воспитанники, въ послѣдствіе времени стяжавшіе громкую извѣстность на различныхъ поприщахъ государственной службы. Ограничиваясь именами, наиболѣе извѣстными назовемъ: Фельдмаршаловъ· *Графа П. А. Румянцова-Задунайскаго* и *Графа М. Ѳ. Каменскаго;* Генералъ-Аншефа *М. Г. Берга*, съ честію служившаго въ Семилѣтнюю Войну, и бывшаго первымъ учителемъ Суворова въ военномъ искусствѣ, Генералъ-Аншефа *И. И. Веймарна*, Генералъ-Квартирмейстера нашей арміи въ

Семилѣтнюю и главнаго начальника войскъ въ Первую Польскую Войну при Императрицѣ Екатеринѣ II; Генералъ-Аншефовъ · *Е. П. Кашкина* и *Графа М. В. Каховскаго*, Генерала отъ Артиллеріи *П. И. Мелиссино*, особенно знаменитаго по начальствованію Артиллерійскимъ и Инженернымъ (нынѣ 2-й) Кадетскимъ Корпусомъ; Генерала отъ Инфантеріи *Т. И. Тутолмина*, Главнокомандующаго въ Москвѣ въ 1807, 1808 и 1809 годахъ, Генералъ-Поручиковъ *Х. Ѳ. Штофельна*, сподвижника Румянцова по кампаніи 1770 года; *Н. Е. Муравьева* и преемника его, *М. И. Мордвинова*, съ большою пользою завѣдывавшихъ всѣми инженерными работами и устройствомъ дорогъ въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II; Генералъ-Маіора *Князя П. С. Долгорукова*, генерала высокихъ достоинствъ, въ молодыхъ лѣтахъ умершаго въ 1760 году, отъ ранъ, полученныхъ подъ Хотинымъ, Дѣйствительныхъ Тайныхъ Совѣтниковъ, знаменитыхъ вельможъ Екатерининa вѣка. Генералъ-Прокурора *Князя А. А. Вяземскаго, А. В. Олсуфьева, А. М. Обрѣзкова, А. П. Мельгунова, И. П. Елагина, С. С. Стрѣкалова*, Тайныхъ Совѣтниковъ: *И. И. Мелиссино*, Куратора Московскаго Университета, *Н. А. Бекетова*, оставившаго по себѣ незабвенное имя въ астраханскомъ краѣ, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, и *К. Ѳ. Модераха*, бывшаго генералъ-губернаторомъ Пермскимъ и Вятскимъ. Въ числѣ учениковъ Греча были также *Сумароковъ* и *Херасковъ*. Нигдѣ нѣтъ лучшаго мѣста вспомнить всѣхъ этихъ именитыхъ мужей нашего отечества, какъ здѣсь, въ стѣнахъ заведенія, ихъ образовавшаго, и вполнѣ могущаго ими гордиться [1]).

Два старшіе сына Ивана Михайловича Греча воспитывались въ Корпусѣ, и вышли оттуда въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, въ армію поручиками — отличіе, предоставлявшееся лучшимъ питомцамъ заведенія. Старшій изъ нихъ былъ убитъ въ войнѣ противъ Турокъ 1770 года, и имя его навѣки осталось достояніемъ заведенія, въ которомъ онъ получилъ образованіе.

---

[1]) Знаменитый актеръ *Дмитревскій* также учился у И М Греча, въ Кадетскомъ Корпусѣ, куда, по Высочайшему повелѣнію, былъ присланъ, съ товарищами своими, для изученія наукъ.

Третій, младшій, сынъ Ивана Михайловича, отецъ Николая Ивановича, рожденный въ стѣнахъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, остался послѣ отца своего шестилѣтнимъ сиротою. Онъ учился въ новоучрежденной школѣ при Евангелической Церкви Св. Петра въ С. Петербургѣ, и по окончаніи курса вступилъ въ гражданскую службу. Лица, знавшія Ивана Ивановича Греча, единогласно отзываются о немъ какъ о человѣкѣ умномъ и образованномъ. Въ молодости своей онъ былъ употребляемъ для исполненія разныхъ важныхъ порученій по финансовой части, за границею, потомъ служилъ нѣсколько времени секретаремъ, и наконецъ, оберъ-секретаремъ Сената, и умеръ въ отставкѣ, въ началѣ 1803 года, въ крайней бѣдности, оставивъ въ наслѣдство вдовѣ, тремъ сыновьямъ и двумъ дочерямъ только честное свое имя. Николай Ивановичъ, родившійся въ С. Петербургѣ 3-го Августа 1787 года, былъ старшій изъ сыновей, и потому на немъ, въ послѣдствіи, лежали всѣ заботы и попеченія объ осиротѣломъ семействѣ [1]).

Близкій къ 1-му Кадетскому Корпусу по дѣду и двумъ дядямъ съ отцовской стороны, Н. И Гречъ считаетъ себя близкимъ къ этому заведенію и по дѣду со стороны матери, по фамили Фрейгольдъ. Другъ и совоспитанникъ Румянцова-Задунайскаго, онъ началъ службу, по выпускѣ изъ Корпуса, въ арміи; былъ израненъ въ Семилѣтнюю Войну, въ кровопролитномъ Цорндорфскомъ сраженіи, и заключилъ свое служебное поприще званіемъ экономіи директора въ Глуховѣ и потомъ въ Кіевѣ.

Первоначальное воспитаніе и образованіе Николай Ивановичъ получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ достойной, всѣми ува-

[1]) Изъ братьевъ Николая Ивановича, одинъ, Александръ, служилъ въ артиллеріи, и умеръ, въ 1812 году, отъ ранъ, полученныхъ въ Бородинскомъ Сраженіи; другой, Павелъ, скончался, въ чинѣ генералъ-маіора и въ званіи втораго С Петербургскаго коменданта, въ 1850 году. онъ былъ офицеръ отличный, и человѣкъ самый почтенный и благородный. — Александръ Ивановичъ Гречъ (воспитанный во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ) былъ искусный практическій артиллеристъ во время войны съ Англичанами, въ 1809—10 годахъ, находился онъ въ отрядѣ, защищавшемъ Либаву, и довелъ мѣткость выстрѣловъ своей баттареи до большаго совершенства Покойный Государь Императоръ, на артиллерійскихъ маневрахъ въ С Петербургѣ (въ 1811 году), замѣтивъ удачное дѣйствіе его орудій, изъявилъ ему Высочайшее благоволеніе, и записку составленную Гречемъ о пріемахъ, имъ употребляемыхъ, повелѣлъ помѣстить въ Военномъ Журналѣ Г. Рахманова.

жаемой и еще весьма многимъ памятной своей матери, скончавшейся за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, въ глубокой старости, и также подъ руководствомъ роднаго ее брата, Александра Яковлевича Фрейгольда. Одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ артиллерійскихъ офицеровъ своего времени, онъ отличался въ Турецкую и Шведскую Войны 1787 — 1791 годовъ, и умеръ, не имѣя сорока лѣтъ отъ роду, отъ слѣдствій простуды, которой подвергся въ финляндскомъ походѣ. Считая его благодѣтелемъ своего дѣтства, Н. И. поставилъ ему памятникъ въ своемъ романѣ «*Поѣздка въ Германію*», въ лицѣ Александра Яковлева Пятигорскаго

Отецъ Николая Ивановивича, замѣтивъ въ старшемъ своемъ сынѣ страсть къ ученію, намѣренъ былъ помѣстить его въ Петровскую Школу, а потомъ перевесть въ Московскій, и оттуда въ Геттингенскій Университетъ, но судьба рѣшила иначе. Вмѣсто того, по тѣснымъ обстоятельствамъ отца, Николай Ивановичъ поступилъ въ Юнкерскую Школу, учрежденную, въ царствованіе Императора Павла I, при Правительствующемъ Сенатѣ, для образованія гражданскихъ чиновниковъ, и состоявшую подъ начальствомъ А. Н. Оленина, въ послѣдствіи президента Академіи Художествъ и директора Императорской Публичной Библіотеки.

Въ 1804 году, когда Юнкерская Школа переименовалась Юнкерскимъ Институтомъ, Николай Ивановичъ былъ выпущенъ въ гражданскую службу, но увлекаясь любовью къ поэзіи, литературѣ и языкознанію, рѣшился образовать себя для учебной части и для упражненій литературою, и вступилъ, *первымъ* по времени, вольнымъ слушателемъ въ новоучрежденный тогда Педагогическій Институтъ, что нынѣ Императорскій С. Петербургскій Университетъ. По утрамъ ходилъ онъ на лекціи института, послѣ обѣда занимался преподаваніемъ самъ, для содержанія себя и для доставленія воспитанія двумъ сестрамъ. Первый урокъ въ русской грамматикѣ далъ онъ, въ пансіонѣ Г. Бачкова, *2-го Іюля 1804 года*, и съ того дня считаетъ свое учебное и литературное поприще. Тогда ему еще не исполнилось семнадцати лѣтъ, а уже трудъ и забота легли на него всею своею тяжестью.

Независимо отъ посѣщенія институтскихъ лекцій и преподаванія уроковъ, Николай Ивановичъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ сверстниковъ и

товарищей, принялъ участіе въ изданіи «*Журнала для пользы и удовольствія*», и помѣщалъ статьи (именно, *первые* русскіе синонимы) въ «*Журналѣ Россійской Словесности*», Н. П. Брусилова. Въ 1805 году, на девятнадцатомъ отъ рожденія, опредѣлился онъ учителемъ Русской Словесности въ славившійся тогда дѣвичій пансіонъ М. Х. Ришаръ, а въ 1806-мъ поступилъ на службу гражданскую, сперва канцелярскимъ служителемъ, потомъ секретаремъ С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета, продолжая, въ то же время, усердно заниматься учебною частью и литературою. Съ этого періода его дѣятельность можно раздѣлить на двѣ: *служебную*, и *ученую* и *литературную*. Сообщаемъ краткое обозрѣніе той и другой.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖЕБНАЯ

Въ 1806 году.

Поступилъ въ С Петербургскій Цензурный Комитетъ, занимаясь въ то же время преподаваніемъ въ разныхъ пансіонахъ, и въ этомъ же году произведенъ въ титулярные совѣтники.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Въ 1806 году.

Перевелъ съ Нѣмецкаго и издалъ книгу: «*Германія въ глубокомъ униженіи своемъ*,» за которую разстрѣлянъ былъ, по повелѣнію Наполеона, нюренбергскій книгопродавецъ Пальмъ. Въ 1807 году переводъ сей былъ напечатанъ вторымъ изданіемъ.

Въ началѣ книги переводчикъ помѣстилъ краткое извѣстіе о жизни и смерти Пальма Извѣстіе это оканчивалось слѣдующими словами. «Успокойтесь, ободритесь, возмужайте, благородные сыны Германіи! Воззрите на сѣверъ: оттуда грядетъ вамъ избавленіе и безопасность въ лицѣ Александра.»

Перевелъ съ Нѣмецкаго и издалъ: «*Нѣкоторыя мысли о современныхъ происшествіяхъ*,» соч. Г Шредера, за что Всемилостивѣйше былъ пожалованъ, по докладу Тайнаго Совѣтника Михаила Никитича Муравьева, золотыми часами. первая Высочайшая награда, полученная Н. И. Гречемъ

Въ 1807 году.

Сдѣлался редакторомъ историческаго и политическаго журнала «*Геній Временъ*», котораго издателемъ былъ Г. Шредеръ Журналъ продолжался съ Іюня 1807 по Сентябрь 1809 годъ.

Въ 1808 году.

Перевелъ романъ Коцебу «*Леонтина*», и драму Шпокке «*Ипполитъ и Розвида*», для бенефиса Александры Дмитріевны Каратыгиной.

Издалъ «*Таблицу Русскихъ Склоненій*».

Издалъ переводъ «*Всеобщей Географіи*» Гаспари.

Въ 1809 году.

Опредѣленъ старшимъ учителемъ Русской Словесности въ Главное Нѣмецкое Училище при Евангелической Церкви Св Петра, въ С. Петербургѣ.

Въ 1809 году.

Издавалъ, вмѣстѣ съ Г. Шредеромъ, «*Журналъ Новѣйшихъ Путешествій*», выходившій съ Октября 1809 по Октябрь 1810 года

Въ 1810 году.

Избранъ въ члены С. Петербургскаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, и принималъ (съ 1812 года) участіе въ изданіи его журнала, выходившаго подъ заглавіемъ «*С Петербургскій Вѣстникъ*»

Въ 1811 году.

Пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени.

Опредѣленъ смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ С Петербургѣ.

Въ 1811 году.

Издалъ «*Опытъ о Русскихъ Спряженіяхъ*»

Въ 1812 году.

Издалъ «*Избранныя Мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ*», съ біографическими свѣдѣніями о писателяхъ, коихъ труды помѣщены въ сей книгѣ.

Началъ изданіе журнала: «*Сынъ Отечества*» и продолжалъ его до 1828 года — одинъ, а съ этого времени по 1838 г. вдвоемъ, съ Ѳ В Булгаринымъ, подъ названіемъ «*Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ*». Въ 1838 году журналъ сей перешелъ къ Н. А. Полевому.

Въ 1813 году.

Уволенъ отъ должности учителя въ Училищѣ Св. Петра, и поступилъ старшимъ учителемъ въ С. Петербургскую Гимназію (что нынѣ 2-я).

Въ 1814 году.

Перевелъ оперу «*Швейцарское Семейство*», музыка Вейгеля

Въ 1815 году.

Уволенъ, по прошенію, отъ должности секретаря С Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

Въ 1815 году.

По возстановленіи мира въ Европѣ и сокращеніи, въ слѣдствіе этого, трудовъ по Сыну Отечества, занялся прилежно Русскою Грамматикою

Въ 1817 году.

Уволенъ отъ должности старшаго учителя С Петербургской Гимназіи

Назначенъ почетнымъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки, и, по случаю отъѣзда своего за границу, для поправленія здоровья, разстроеннаго тяжкою болѣзнію, получилъ отъ начальства порученіе осмотрѣть знаменитѣйшія библіотеки въ чужихъ краяхъ

Произведенъ въ коллежскіе ассессоры

Въ 1817 году.

Писалъ письма съ путешествія своего Въ Парижѣ занимался преимущественно изученіемъ возникшей въ то время ланкастерской методы взаимнаго обученія.

Въ 1818 году.

Прикомандированъ къ Комиссіи составленія учебныхъ пособій кантонистамъ поселенныхъ войскъ.

Въ 1818 году

Учредилъ, въ товариществѣ съ Гр Ѳ П. Толстымъ, Ѳ. Н. Глинкою и В И Григоровичемъ, Общество образованія училищъ по методѣ взаимнаго обученія, и составилъ потребныя для того руководства и таблицы

Въ 1819 году.

По волѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, учредилъ классы взаимнаго обученія въ С Петербургскомъ и Гатчинскомъ Воспитательныхъ Домахъ, и въ Училищахъ для солдатскихъ дочерей гвардейскихъ полковъ

По порученію Генералъ-Адъютанта Сипягина, начальника штаба Гвардейскаго Корпуса, учредилъ училище взаимнаго обученія для нижнихъ чиновъ сего корпуса, за что удостоился Всемилостивѣйшаго вниманія и Высочайшей награды Государя Императора Александра Павловича, и былъ назначенъ директоромъ училищъ Гвардейскаго Корпуса, но учрежденіе сихъ училищъ, по случаю выступленія гвардіи въ 1821 году въ походъ, не состоялось.

Произведенъ въ надворные совѣтники

Въ 1822 году.

Издалъ книгу «Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ», вторымъ тисненіемъ, подъ заглавіемъ «*Учебная книга Русской Словесности*», съ прибавленіемъ къ ней «*Опыта Исторіи Русской Литературы*», напечатаннаго и особо Учебная книга напечатана вторымъ изданіемъ въ 1830, и третьимъ въ 1844 г.

Въ 1825 году.

Произведенъ въ коллежскіе совѣтники

Въ 1825 году.

Издалъ, съ Ѳ В Булгаринымъ, альманахъ «*Русская Талія*», въ которомъ помѣстилъ статью своего сочиненія «*Исторія Русскаго Театра*».

Началъ съ Ѳ В Булгаринымъ изданіе политической и литературной газеты «*Сѣверная Пчела*», продолжающееся и понынѣ

Въ 1827 году.

Издалъ «*Пространную и Практическую Русскія Грамматики*»

Избранъ къ корреспонденты Императорской С Петербургской Академіи Наукъ

Въ 1828 году.

Издалъ «*Начальныя основанія Русской Грамматики*», печатавшіяся потомъ, нѣсколькими тисненіями, подъ заглавіема «*Краткая Русская Грамматика*».

Въ 1829 году.

Произведенъ въ статскіе совѣтники

Поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій по Хозяйственному Департаменту.

Въ 1829 году.

Основалъ, и издавалъ до 1831 г, «*Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*».

Въ 1831 году.

Отчисленъ въ Канцелярію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ назначеніемъ состоять при министрѣ.

Въ 1831 году.

Издалъ романъ «*Поѣздка въ Германію*».

Въ 1832 году.

Издалъ «*Практическіе Уроки Русской Грамматики*».

Въ 1834 году.

Издалъ романъ: *«Черная Женщина»*

Былъ избранъ обществомъ ученыхъ и литераторовъ въ главные редакторы *«Энциклопедическаго Лексикона»*, и завѣдывалъ симъ изданіемъ до половины седьмой его части

Получивъ отпускъ на 28 дней, съѣздилъ въ Германію, и описалъ эту поѣздку въ книжкѣ. *«Дѣйствительная поѣздка въ Германію»*

Въ 1835 году.

Основалъ, въ сообществѣ съ Генераломъ Барономъ Зедделеромъ, *«Военный Энциклопедическій Лексиконъ»*, и былъ редакторомъ его, по литературной части, до 1840 года

Въ 1836 году.

Поступилъ въ Министерство Финансовъ, членомъ общаго присутствія Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли, и, по случаю поѣздки своей въ чужіе края, имѣлъ порученіе осмотрѣть технологическія и ремесленныя учебныя заведенія за границею

Въ 1837 году.

Писалъ письма съ путешествія своего по Англіи, Франціи и Германіи, напечатанныя сначала въ Сѣверной Пчелѣ, а потомъ особо, въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ *«Путевыя Письма»*.

Въ 1838 году.

За успѣшное исполненіе возложеннаго въ 1837 году порученія, награжденъ, по ходатайству Министра Финансовъ Графа Е. Ф Канкрина, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника

Въ 1838 году.

Издалъ *«Учебную книгу Всеобщей Географіи»*.

Издалъ, въ пяти томахъ, собраніе нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: *«Сочиненія Николая Греча»*. Въ составъ сего изданія вошли: романъ *Черная Женщина*, романъ *Поѣздка въ Германію*, *Письма о поѣздкѣ во Францію, Германію и Швейцарію, въ 1817 году*, *Письма о поѣздкѣ въ Германію въ 1835 году*, и *мелкія сочиненія* — сборникъ статей, напечатанныхъ въ разное время въ періодическихъ изданіяхъ При V-й части

помѣщена, подъ заглавіемъ *«Къ портрету Николая Ивановича Греча»*, краткая біографія автора, написанная Θ В Булгаринымъ

Въ 1839 году.

Открылъ въ Декабрѣ *публичныя чтенія о Русскомъ Языкѣ*, продолжавшіяся до конца Марта 1840 года, и потомъ напечатанныя особою книгою

Въ 1841 году.

Началъ, съ Н В Кукольникомъ и Н А Полевымъ, изданіе отечественнаго журнала *«Русскій Вѣстникъ»*, но вскорѣ (въ Маѣ 1841) былъ принужденъ болѣзнію ѣхать въ чужіе краи Живя лѣто въ Германіи и Италіи, писалъ оттуда письма, для помѣщенія въ Сѣверной Пчелѣ

Въ 1842 и 1843 годахъ.

Преподавалъ Русскій Языкъ въ верхнемъ классѣ Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса, не поступая на службу, и не получая жалованья

Въ 1843 году.

Уволенъ, по прошенію, изъ Министерства Финансовъ.

Въ 1843 году.

Издалъ писанныя въ 1841 году письма, отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: *«Письма съ дороги по Германіи, Швейцаріи и Италіи»*

Въ 1843 — 1848 годахъ.

Живя попеременно въ Гейдельбергѣ, Боннѣ и Парижѣ, занимался составленіемъ учебника Русской Грамматики для Военно-Учебныхъ Заведеній. Письма его въ это время печатались въ Сѣверной Пчелѣ, и были изданы особо, за 1843 и 1844 годы, подъ заглавіемъ: *«Парижскія Письма»*

Въ продолженіе сего времени, въ 1843 году, издалъ, на Французскомъ и на Нѣмецкомъ Языкахъ, замѣчанія на извѣстное сочиненіе Кюстина *«La Russie en 1839»* въ опроверженіе лжей и клеветъ на Россію, которыми оно наполнено. Замѣчанія эти были напечатаны въ Парижѣ, перепечатаны въ Брюсселѣ, а въ Германіи вышли двумя

изданіями Прежде того Н И. написалъ и издалъ опроверженіе книжки Кенига о Русской Литературѣ, и на отвѣтъ Кенига возразилъ новою брошюрою

Въ 1851 году.

Приведъ къ окончанію учебники для Военно-Учебныхъ Заведеній, а именно «*Учебную Русскую Грамматику*» и «*Руководство къ преподаванію по сей Грамматикѣ.*»

Въ 1852 году.

Издалъ «*Начальную Русскую Грамматику*».

Въ 1853 году.

Во время поѣздки своей въ Германію и во Францію, печаталъ письма о ней въ Сѣверной Пчелѣ.

Въ 1854 году.

Получилъ званіе почетнаго члена Императорской Публичной Библіотеки

Изъ сочиненій и изданій Н. И. Греча, *главными* можемъ назвать, по порядку появленія въ свѣтъ. *Сынъ Отечества*, *Опытъ Исторіи Русской Литературы*, *Сѣверную Пчелу*, *Русскія Грамматики*, и *Энциклопедическій* и *Военный Энциклопедическій Лексиконы*. Не время и не мѣсто здѣсь разбирать ихъ подробно. Всѣ они уже были обсуждаемы критикою, и потому посвятимъ каждому изъ нихъ лишь по нѣсколько словъ. Скажемъ столько, какъ прилично и умѣстно въ настоящій, лично для Николая Ивановича и для всѣхъ любителей отечественнаго просвѣщенія, торжественный день.

Сынъ Отечества напоминаетъ ту грозную, великую эпоху *двѣнадцатаго года*, когда Наполеонъ, съ войсками двадцати народовъ, вторгся въ Россію. Побуждаясь важностью событій, Николай Ивановичъ возъимѣлъ счастливую мысль издавать въ С. Петербургѣ журналъ, въ которомъ помѣщались бы реляціи и частныя извѣстія изъ арміи, современ-

ныя политическія новости и современные же военные анекдоты и стихотворенія. Тогдашній Попечитель С. Петербургскаго Учебнаго Округа С. С. Уваровъ, и Директоръ С. Петербургскихъ Училищъ И. О. Тимковскій, оба непосредственные начальники Николая Ивановича, и А. Н. Оленинъ, всегдашній его благодѣтель и покровитель, одобрили предпріятіе Затруднялись только, какъ приличнѣе назвать журналъ: случайное обстоятельство устранило затрудненіе. Николай Ивановичь получилъ отъ тяжело-раненаго въ Бородинской Битвѣ своего брата письмо, въ которомъ больной, въ предчувствіи своей кончины, говорилъ: «умру какъ истинный *сынъ отечества.*» Рѣшили дать журналу названіе «*Сынъ Отечества*», и съ тѣхъ поръ онъ существовалъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, хотя уже по измѣненной программѣ, а съ 1838 года, съ поступленіемъ въ собственность извѣстнаго нашего книгопродавца А- Ф. Смирдина, и подъ другою, также не разъ перемѣнявшеюся редакціею. До вторичнаго взятія Парижа и возвращенія нашихъ войскъ изъ Франціи «*Сынъ Отечества*» былъ журналомъ почти исключительно военнымъ и политическимъ, а потомъ, когда война кончилась, и по обстоятельствамъ источникъ для военнаго отдѣла почти изсякъ, отдѣлъ же политическій сдѣлался менѣе интереснымъ, — къ нимъ былъ прибавленъ отдѣлъ литературный.

Первая книжка *Сына Отечества* появилась въ свѣтъ въ началѣ Октября 1812 года, и была принята съ общимъ одобреніемъ. Новый журналъ читался въ всѣхъ кругахъ общества, старыми и малыми, и, наполняемый современными, большею частію патріотическими статьями, долго былъ у насъ народнымъ,. Любопытно, что въ стихотвореніи И. А. Кованьки:

Хоть Москва въ рукахъ Французовъ
Это, право не бѣда, и проч.

напечатанномъ въ первой книжкѣ, предсказано было взятіе Парижа исполнившееся чрезъ полтора года послѣ того.

Сынъ Отечества издавался еженедѣльно, и подъ статьями его мы видимъ много именъ, красующихся и въ нашей литературѣ, и въ нашей исторіи. Чистота языка, пріятность слога, и особенно откровенная, острая, иногда и колкая, литературная критика, составляли отличитель-

ныя черты этого журнала, вдругъ доставившаго Николаю Ивановичу повсемѣстную извѣстность въ Россіи. Воспомнимъ, что онъ долго не имѣлъ себѣ соперника между другими, впрочемъ и не многочисленными, какъ нынѣ, періодическими изданіями.

Издатель *Сына Отечества* и поступилъ какъ сынъ отечества, обративъ часть вырученныхъ этимъ журналомъ денегъ на составленіе капитала, изъ процентовъ коего въ 3-й С. Петербургской Гимназіи постоянно воспитывается одинъ сирота, сынъ офицера, убитаго на войнѣ. По настоящее время пятеро такихъ сиротъ получили образованіе на счетъ этого благотворительнаго пожертвованія.

Опытъ Исторіи Русской Литературы, напечатанный при изданной въ 1822 году Учебной Книгѣ Россійской Словесности, и въ нѣсколькихъ экземплярахъ особо, былъ весьма замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей словесности, сколько по изложенію ея исторіи, столько же, если еще не болѣе, по біографическимъ свѣдѣніямъ о лицахъ, съ пользою подвизавшихся въ Россіи на литературномъ поприщѣ, во всѣхъ его отрасляхъ. Заслуга огромная, требовавшая многолѣтнихъ трудовъ и справокъ.

Сѣверная Пчела издается Н. И. Гречемъ, обще съ Ѳ. В. Булгаринымъ, съ 1825 года, съ постоянною исправностью и полнымъ знаніемъ дѣла. Николай Ивановичъ, завѣдывая общею редакціею, самъ пишетъ въ ней только въ случаяхъ необыкновенныхъ. Публика замѣтила и огличила статьи его: на кончину Императора Александра Павловича, на кончину Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на присягу Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича, на бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества, на кончину Великой Княгини Александры Николаевны и Великаго Князя Михаила Павловича [1]), также статьи по случаю нынѣшней войны съ Турками, Французами и Англичанами. Весьма дѣятельнымъ и полезнымъ помощникомъ Николаю Ивановичу по этой ежедневной газетѣ, былъ старшій сынъ его, Алексѣй Николаевичъ, нѣсколько разъ, во время отсутствій своего отца за границу, завѣдывавшій вмѣсто его редакціею. Рано-

[1]) Къ симъ статьямъ присовокупимъ и написанную имъ на кончину Императора Николая Павловича (См. № 39 Сѣв. Пч. 1855).

временная кончина лишила въ немъ Николая Ивановича умнаго, образованнаго и трудолюбиваго помощника [1]).

Русскія Грамматики: Пространная, *Практическая* и *Краткая* — плодъ слишкомъ двадцатилѣтнихъ трудовъ, составляютъ наибольшую заслугу, оказанную Николаемъ Ивановичемъ отечественному языку. Первыхъ двухъ разошлось по два изданія, а послѣдней сто пятьдесятъ тысячъ экземпляровъ, причемъ любопытно замѣтить, что грамматики Николая Ивановича были переведены на языки: Нѣмецкій, Французскій, Англійскій, Шведскій, Польскій и Еврейскій.

Энциклопедическій Лексиконъ былъ явленіемъ новымъ и отраднымъ для всѣхъ читающихъ сословій въ Россіи, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ число подписчиковъ, простиравшееся за семь тысячъ. Сверхъ общаго интереса, содержащагося въ иностранныхъ энциклопедическихъ, такъ называемыхъ Conversation's-Лексиконахъ, наше русское изданіе имѣло тотъ частный интересъ, что заключало въ себѣ большое число оригинальныхъ, драгоцѣнныхъ статей о Россіи. Стоитъ только прочесть длинный списокъ именъ редакторовъ и сотрудниковъ, чтобы видѣть, сколько извѣстныхъ лицъ русскаго ученаго міра приняли участіе въ этомъ полезномъ предпріятіи, общимъ голосомъ ввѣренномъ главной редакціи Николая Ивановича. Замѣчали, что нѣкоторыя статьи, обширностью и подробностью своею, выходили изъ предѣловъ, свойственныхъ подобному изданію, но этотъ частный недостатокъ, — справедливѣе сказать излишекъ, съ лихвою вознаграждался въ цѣломъ. Къ сожалѣнію, Николай Ивановичъ, по обстоятельствамъ, не отъ него зависѣвшимъ, довелъ это изданіе только до половины седьмаго тома, не окончивъ и буквы Б. Въ послѣдствіи нѣсколько разъ оно перемѣняло своихъ редакторовъ, и пресѣклось на буквѣ Д.

Военный Энциклопедическій Лексиконъ, предпріятіе также въ высшей степени полезное, особенно при огромномъ числѣ офицеровъ въ

---

[1]) Онъ скончался въ 1850 году, на пути изъ Англіи на островъ Мадеру, куда ѣхалъ для возстановленія своего разстроеннаго здоровья. Другой, младшій сынъ Николая Ивановича, Николай, подававшій о себѣ большія надежды, умеръ въ 1837 году, студентомъ С. Петербургскаго Университета.

Русской Арміи, былъ основанъ покойнымъ Генералъ-Лейтенантомъ Барономъ Л. И. Зедделеромъ, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ. Первый завѣдывалъ военною, послѣдній литературною частью. Въ исходѣ 1840 года, съ окончаніемъ V тома, занятія по ежедневной газетѣ *Сѣверная Пчела*, по новымъ изданіямъ грамматики и по вновь предпринимавшемуся журналу *Русскій Вѣстникъ*, побудили Николая Ивановича сдать свою долю участія въ Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Барону Зедделеру, который и довелъ это изданіе до конца, почти передъ самою своею смертью

Извѣстность и занятія Николая Ивановича поставили его въ весьма близкія, частію самыя дружескія, отношенія ко многимъ современнымъ ему отечественнымъ знаменитостямъ. Въ числѣ ихъ, не упоминая живыхъ, назовемъ: изъ писателей — Державина, Дмитріева, Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Гнѣдича, Грибоѣдова, Пушкина, Н. А. Полеваго.

На путешествіяхъ своихъ за границею Н. И. познакомился и сблизился со многими знаменитостями наукъ и литературы· Гёте, Гумбольтомъ, Тикомъ, Тидге, Крейцеромъ, Цшокке, Миттермайеромъ, Томасомъ Муромъ, Талейраномъ, Викторомъ Гюго, Александромъ Дюма, химикомъ Дюма, Карломъ Нодіе и мн. др. Одинъ французскій литераторъ (де-Нуартеръ) посвятилъ ему свое сочиненіе Mademoiselle Zacharie, романъ въ двухъ томахъ. Нѣмецкая писательница Луиза Мюльбахъ (жена извѣстнаго писателя Теодора Мундта) посвятила ему свое путешествіе подъ заглавіемъ: «Die Pilger der Elbe». Упсальская Академія Наукъ, Франкфуртское Филологическое Общество и Вашингтонскій Національный Институтъ для распространенія наукъ (National Institute for the promotion of science) избрали его въ число своихъ членовъ.

Н. И. Гречъ былъ членомъ всѣхъ частныхъ литературныхъ обществъ въ Россіи (С. Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и пр.) и сверхъ того Минералогическаго, Фармацевтическаго и Географическаго.

Полвѣка труженической жизни были посвящены Николаемъ Ивановичемъ на пользу общественную. Труды и имя его не умрутъ въ потомствѣ, и будутъ занимать почетное мѣсто въ Исторіи Русской Литературы.

II.

27-к ДЕКАБРЯ 1854 ГОДА.

Не легко прожить полвѣка
Въ наше время; но свершить
Назначенье человѣка,
Жизнь идеѣ посвятить,
Вѣрнымъ быть добру и чувству; —
Но полвѣка другомъ быть
И наукѣ и искусству,
И въ обоихъ заслужить
Уваженіе отъ свѣта
Службой чистой и прямой, —
Какъ завидна участь эта
И высокъ удѣлъ такой!

—

Помнишь ты иное время,
Видѣлъ ты другихъ людей;
Возмужало быстро племя
Молодыхъ твоихъ друзей,
И другое поколѣнье
Возросло уже вкругъ нихъ:
Въ дѣтяхъ то же уваженье,
Память та жъ заслугъ твоихъ

Тайники роднаго слова
Передъ нами ты открылъ,
Языка, для насъ роднаго,
Рѣчи правильной училъ.

—

И въ годину испытанья
Чисто русскій твой журналъ
Къ чувству русскому воззванья
Не напрасно расточалъ;
Онъ былъ эхомъ чувствъ Россіи
Въ незабвенный, славный годъ,
Въ годъ, когда поля родныя
Нашъ отстивалъ народъ,
И за край нашъ православный
Бились храбрые отцы,
Какъ теперь, съ отвагой равной,
Бьются дѣти молодцы.

—

Съ той поры, при первыхъ тучахъ,
Собиравшихся вдали,
Голосъ твой въ листахъ летучихъ
Вновь гремѣлъ. Родной земли
Развивая учрежденья,
Ты умно разоблачалъ
Всѣ сосѣдей ухищренья,
Козни западныхъ началъ.
Рѣчью бойкой, звучной, мѣткой
Ты врагамъ давалъ урокъ,
И казнилъ насмѣшкой ѣдкой
Дерзость, низость и порокъ.

—

Педагогъ и литераторъ,
Нашъ грамматикъ, романистъ,
Въ сходкахъ дружескихъ ораторъ,
Журналисть и юмористъ,
Мужъ добра, другъ правды, чести,
Старецъ, полный юныхъ силъ,
Всѣ дары, всѣ свойства вмѣстѣ
Ты въ себѣ соединилъ, —
И пока въ странѣ родимой
Не умретъ родная рѣчь, —
Будетъ жить и всѣми чтимый
Николай Иванычъ Гречъ!

Владиміръ Зотовъ.

III.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГРЕЧУ

въ день его

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ.

Какъ все народное, любя
И слово русское родное,
Гречъ! Поколѣнье молодое
Въ сей день благодаритъ тебя —
Наставника и корифея,
Какъ благодарный ученикъ,
И вноситъ въ голосъ юбилея
Съ восторгомъ свой заздравный кликъ!

Какъ Русскаго, какъ человѣка,
Твоя заслуга велика:
Любя родное, ты полвѣка
Стоялъ на стражѣ языка;
Слѣдилъ за нимъ трудолюбиво,
И какъ отъ примѣси металлъ,
Его отъ чуждаго наплыва
Въ родномъ горнилѣ очищалъ.
Твоей заботой благородной
Не измѣнилася она —

Въ ея красѣ своенародной
Живая рѣчь Карамзина!
Языкъ — сокровищница наша,
Неисчерпаемое дно!

Какъ эта пѣнистая чаша
Хранитъ кипучее вино, —
Языкъ хранитъ весь бытъ отчизны,
Народный смыслъ, народный умъ,
Слѣды минувшей нашей жизни,
И нашихъ чувствъ, и нашихъ думъ!
И лѣтописцу и поэту
Онъ бережетъ дары вѣковъ;
И ты сокровищницу эту
Хранилъ — наслѣдіе отцовъ;
Свой умъ къ ея обогащенью
Полвѣка ты употреблялъ,
И молодому поколѣнью
Ее съ любовью передалъ!

И съ той же искренней любовью
Ее беремъ мы отъ тебя
Теперь, когда велитъ судьба
Народность защищать намъ кровью,
Когда народы возстаютъ
На самобытность Руси нашей
И насъ въ кровавый бой зовутъ. —
Родное все милѣй и краше!
Да будетъ слово наше, Гречъ,
Какъ чувство русское богато!
Отъ льдистыхъ скалъ до Арарата
Тобой лелѣянная рѣчь

Да будетъ громкимъ выраженьемъ
Отчизнѣ преданной души!

А ты, ты нынѣ съ умиленьемъ
День этотъ въ сердцѣ запиши:
Подъ этимъ многолѣтнимъ сводомъ
Не только намъ, — отчизны всей
Ты слышишь голосъ; всѣмъ народомъ
Твой отзовется юбилей!
Заслугъ твоихъ онъ не забудетъ,
И жить дотоль ты будешь, Гречъ,
Покуда жить народъ нашъ будетъ
И раздаваться наша рѣчь!

Николай Арбузовъ.

IV.

РѢЧЬ,

НАПИСАННАЯ П. И. РИКОРДОМЪ.

Николай Ивановичъ! Считаю себя счастливымъ, что мнѣ довелось, вмѣстѣ съ столькими почтенными особами, праздновать день утѣшительный для тебя, для насъ и для многихъ. День этотъ вдвойнѣ знаменателенъ: по тому, что вѣнчаетъ полувѣковое поприще дѣлателя трудолюбиваго, и ободряетъ вступающихъ на путь труда. Мнѣ же въ этотъ день, который останется памятнымъ и для всѣхъ, вспоминается, въ особенности, изъ *перваго тома моей жизни*, то старое, любезное время, когда я въ первый разъ увидѣлъ Николая Ивановича, молодымъ и свѣжимъ, за его письменнымъ столомъ. Это были годы, на которыхъ еще тепло сіяла слава Отечественной Войны. Отблескомъ этой славы золотилъ ты тогда страницы своего Сына Отечества. Въ то же время, сидя за своими патріотическими листами, ты любилъ слушать и мои простодушные разсказы о трудномъ плаваніи по морямъ отдаленнымъ, къ краямъ негостепріимнымъ, къ землѣ таинственной, о которой носились тогда только темные, сбивчивые слухи. Я говорю о Японіи. Тамъ, въ тѣсномъ затворѣ, томился первый изъ друзей моихъ, одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ моряковъ — Василій Михайловичъ Головнинъ. Провидѣнію угодно было доставить мнѣ счастіе его освободить. Напутствуемый потомъ дружбою твоею, Николай Ивановичъ, я отправился опять на одну изъ

отдаленнѣйшихъ граней почти безграничной нашей имперіи. И между тѣмъ, какъ я, въ Сибири, управлялъ Камчаткою, ты, въ С. Петербургѣ, расправлялся съ Русскою Грамматикою. Не знаю, кому было больше труда. Но честь и слава литератора остались за тобою!..

Прошло послѣ того *многое*... не стало *многихъ!* Время сняло съ насъ полуду молодости, но дружба не старѣется, и вотъ она, Николай Ивановичъ, передъ тобою, еще бодрымъ, является, какъ бывало, и подноситъ тебѣ *даръ* — печать твоего юбилея, и знакъ драгоцѣннаго къ тебѣ уваженія собравшихся здѣсь особъ и многихъ отсутствующихъ твоихъ друзей.

V.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГРЕЧУ,

27-го Декабря 1854 года.

Въ знаменательный день, когда полвѣка празднуемъ достойныхъ работъ вашихъ на нивахъ роднаго Русскаго Слова, — я, Москвичъ по воспитанью, къ единодушнымъ привѣтамъ соотчичей необъятной родины нашей, воспитанныхъ въ вашихъ урокахъ, и къ выраженіямъ уваженія къ заслугамъ вашимъ присутствующихъ здѣсь почитателей и друзей вашихъ, позволю себѣ присоединить здѣсь мой привѣтъ, равно искренній:

Кто былъ, какъ вы, соотчичамъ полезенъ, —
Потомкамъ нашимъ тотъ будетъ въ вѣкъ любезенъ!

Г. Поповъ.

VI.

ПРИВѢТСТВІЕ

Паркиса Ивановича Тарасенко-Атрѣшкова.

Мы собрались здѣсь чтобы праздновать пятидесятилѣтній юбилей достопочтеннаго грамматика, словесника, сочинителя Н. И. Греча.

Всякій трудъ, совершенный на общую пользу, достоинъ уваженія, но конечно труды, совершенные на пользу Отечественной Словесности, заслуживаютъ полной признательности. — Человѣкъ обязанъ дару слова превосходствомъ своимъ предъ прочими созданіями Но самый даръ слова ничтоженъ безъ Словесности. — Только при ея развитіи водворяются науки. Можно сказать положительно, что безъ успѣховъ Словесности не только нельзя быть просвѣщеннымъ народомъ, но что процвѣтаніе Словесности необходимо для славнаго существованія государствъ. Даже потомству о доблестяхъ предковъ передаютъ только произведенія Словесности. — Исторія показываетъ существованіе обширныхъ государствъ. Но безъ произведеній Словесности, бытіе ихъ навсегда исчезло для потомства, тогда какъ произведенія древнихъ Греціи и Рима до сихъ поръ извѣстны всякому образованному человѣку. — Единство языка и успѣхи Словесности служатъ крѣпкимъ звеномъ, связующимъ во едино племена. — Единство Словесности вселяетъ общія чувствованія и понятія. Она же внушаетъ любовь къ родинѣ. — Словомъ, успѣхи Отечественной Словесности составляютъ опору, славу отечества.

Николай Ивановичъ Гречъ съ заслуженною гордостью можетъ сказать многотысячнымъ своимъ ученикамъ и подражателямъ: «Порадуемся, друзья! довольно сдѣлано въ нашей Словесности въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Полвѣка не сходилъ я съ этого благороднаго поприща. Полвѣка трудился я на немъ безпрерывно, усердно. Радовался появлявшимся дарованіямъ; скорбѣлъ о нисходившихъ; давалъ спрашивающимъ искренніе совѣты; желалъ душевно успѣха всѣмъ и всякому.»

Принесемъ же наше искреннее поздравленіе и признательность Николаю Ивановичу и пожелаемъ ему здоровья и продолженія столь полезныхъ отечеству и просвѣщенію занятій.

Я не принадлежу къ обществамъ трезвости; но вполнѣ уважаю избранную ими цѣль, даже постоянно соблюдаю установленныя ими правила. Впрочемъ, самыя строгія общества дозволяютъ при особыхъ случаяхъ отступать отъ устава. Конечно, я не могъ избрать случая болѣе приличнаго нынѣшнему. — Въ столь радостную минуту, съ удовольствіемъ отступаю отъ соблюдаемаго мною правила, и прошу позволить: выпить вмѣстѣ съ вами, милостивые государи, полный бокалъ вина — за здоровье Юбиляра, Грамматика, Словесника, достопочтеннаго Николая Ивановича Греча.

VII.

РѢЧЬ,

произнесенная К. А. Полевымъ.

Торжество, которое соединяетъ насъ здѣсь, относится не къ одному литератору, но ко всѣмъ, кто посвящаетъ литературѣ часть своей души и своей жизни Всемилостивѣйшій Монархъ, Высокій Покровитель всѣхъ благородныхъ побужденій и полезныхъ трудовъ, Высочайшимъ соизволеніемъ Своимъ выразить чувства уваженія одному заслуженному литератору, награждаетъ въ лицѣ его всѣхъ, искренно занимающихся литературою. Это счастливое событіе вызвано литературными трудами и заслугами цѣлой жизни, и за нихъ-то благодарность да будетъ первымъ словомъ вамъ, Русскій писатель!... Мм Гг.! Положеніе писателя въ обществѣ всегда затруднительно: это говорятъ всѣ, но лучше всѣхъ знаютъ сами писатели. Писатель, наравнѣ со всѣми, долженъ выполнять обязанности человѣка и сына своего отечества; такъ же какъ всѣ долженъ заботиться о благосостояніи окружающихъ его, и притомъ обязанъ работать для отвлеченной и только ему понятной цѣли — совершить подвигъ, котораго идеалъ онъ одинъ носитъ въ душѣ, въ умѣ, въ дарованіи своемъ. Благодаря просвѣщенію, теперь уже не почитаютъ писателя человѣкомъ неспособнымъ къ дѣловымъ занятіямъ: ложное понятіе о писателѣ могли бы опровергнуть блистательные примѣры въ томъ самомъ собраніи, гдѣ имѣю честь говорить. Но писатель, исключительно

посвящающій себя литературѣ, вездѣ — а у насъ больше нежели гдѣ нибудь — явленіе не совсѣмъ обыкновенное, потому что положеніе такого писателя представляетъ особенныя трудности. Н. И. Гречъ прошелъ съ честію поприще именно писателя, котораго вся жизнь была посвящена литературѣ. Труды его извѣстны вамъ; но позвольте высказать о нихъ нѣсколько соображеній, гдѣ ясно увидимъ заслугу, нынѣ такъ торжественно признаваемую всѣми нами.

Нѣкоторые изъ насъ еще помнятъ грозный и славный 1812 годъ. Тогда-то явился «Сынъ Отечества», журналъ, достойный своего названія, потому что онъ служилъ выраженіемъ общихъ Русскому народу ощущеній: негодованія противъ враговъ отчизны, восторга, при описаніи славныхъ событій Отечественной Войны, и удивленія къ великому подвигу Монарха и Его народа. Можно сказать, что «Сынъ Отечества» былъ вѣрною лѣтописью 1812-го, 1813-го и 1814 годовъ. Но миновались громы и бури войны, возобновились мирныя занятія, и «Сынъ Отечества» сталъ отчетливою лѣтописью Русской Литературы Въ немъ участвовали почти всѣ наши литераторы, въ немъ въ первый разъ явились постоянныя сужденія о новыхъ произведеніяхъ Русской Литературы, и эти сужденія отличались столько же образованностью, остроуміемъ, какъ и прекраснымъ, образцовымъ языкомъ. Имя Н. И. Греча стали произносить съ уваженіемъ въ цѣлой Россіи, потому что въ то время это былъ истинный подвигъ. Мы уже имѣли образцовыхъ по слогу писателей, но изъ этихъ образцовъ не были извлечены правила языка. Въ грамматикѣ слѣдовали большею частію преданію Н. И. Гречъ безпрерывно поясняетъ обороты, духъ, правила Русскаго языка, и его разборъ новаго изданія Грамматики Россійской Академіи, напечатанный въ 1819 году, рѣзко отдѣляетъ старыя преданія въ Грамматикѣ отъ новыхъ понятій, и останется навсегда памятникомъ глубокаго познанія языка, искусства въ систематическомъ обсужденіи ученыхъ предметовъ, и той любви къ задушевному занятію, которая одна движетъ науку и пробуждаетъ способности молодаго поколѣнія къ дальнѣйшимъ трудамъ. Жаръ, пылкость, одушевленіе составляютъ отличительный характеръ всѣхъ литературныхъ трудовъ Н. И. Греча. Въ нихъ вездѣ видно не одно знаніе, но и пыл

кая любовь къ просвѣщенію, къ успѣху: она все живитъ, одушевляетъ. Пятнадцать лѣтъ такой литературной дѣятельности, отъ 1812-го до 1828 года, воспитали цѣлое поколѣніе литераторовъ, и съ этого времени утвердился въ нашей литературѣ европейскій характеръ, образованность въ самомъ выраженіи, не только во взглядѣ. Карамзинъ началъ это, Гречъ довершилъ. Мм. Гг.! вы не удивляетесь этому сближенію именъ, зная, что Карамзинъ, какъ литераторъ — не говорю о немъ какъ объ историкѣ — какъ литераторъ не произвелъ ничего громаднаго, первокласснаго; всѣ его прозаическія сочиненія состоятъ изъ легкихъ, такъ сказать журнальныхъ статей, но всѣ проникнуты литературнымъ тактомъ, образованностью, всѣ служатъ образцами языка. Дѣло, начатое Карамзинымъ, съ честью продолжалъ Н. И. Гречъ, и довершилъ заслуги свои языку изданіемъ Грамматикъ, которыя утвердили и распространили знаніе правилъ нашего языка. Одно это дало бы Н. И. Гречу мѣсто между почетнѣйшими нашими литераторами; но онъ останется въ нашей литературѣ не только какъ изслѣдователь и утвердитель правилъ языка; онъ останется и какъ литераторъ образцомъ пріятнаго, умнаго, одушевленнаго изложенія всѣхъ предметовъ, которые особенно занимали его литературную дѣятельность Сочиненія его многочисленны и разнообразны. Во всѣхъ видѣнъ человѣкъ съ пылкою душою, съ пламенною любовью ко всему прекрасному. Оставаясь въ то же время и образцами языка, они, вмѣстѣ съ филологическими трудами, доставили Николаю Ивановичу прочную славу, которая въ настоящій день одушевляетъ насъ въ общемъ чувствѣ уваженія къ литератору, къ изслѣдователю языка, и — къ человѣку. Я не смѣю выражать одушевляющихъ меня ощущеній къ Николаю Ивановичу какъ къ другу всѣхъ дарованій, всѣхъ прекрасныхъ стремленій, но увѣренъ, что многіе раздѣляютъ эти ощущенія. Пятьдесятъ лѣтъ неутомимой, постоянной литературной дѣятельности — это подвигъ, это примѣръ въ нашей литературѣ! Сколько образованности и добрыхъ началъ передала эта жизнь современникамъ!... Она была полезна имъ — будетъ полезна и нашимъ преемникамъ. Эта жизнь останется примѣромъ для молодыхъ людей, посвящающихъ себя литературѣ. Они увидятъ, что истинная любовь къ просвѣщенію, къ родному языку, къ славѣ и успѣ-

ламъ отечества, и на этомъ поприщѣ производитъ великія послѣдствія и получаетъ награду въ признательности современниковъ, и въ милостивомъ вниманіи общаго нашего Отца, Покровителя просвѣщенія въ Россіи, возвышающаго Своимъ вниманіемъ смиренные труды писателя. Вотъ истинное значеніе заслугъ Н. И. Греча, и нашего празднества. Слава Монарху, Который награждаетъ литературные подвиги, и благодарность тому Русскому писателю, который далъ намъ случай отпраздновать это торжество Русской Литературы!

VIII.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ

Императорской Публичной Библіотеки.

Господину Почетному Члену Императорской *Публичной Библіотеки, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику*

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГРЕЧУ.

Сегодня празднуется пятидесятилѣтній юбилей вашего служенія Русскому Слову Управленіе Императорской Публичной Библіотеки, имѣющей честь считать Ваше Превосходительство въ своемъ составѣ, долгомъ признаетъ выразить вамъ по сему случаю свое полное сочувствіе, и поздравивъ со днемъ, въ который, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора, отдается почесть вашимъ заслугамъ на поприщѣ отечественной филологіи, присовокупить желаніе, чтобы и впредъ, на долгое еще время, не прерывались полезные труды ваши, снискавшіе вамъ общую признательность и почетное навсегда имя въ лѣтописяхъ Русской Литературы.

Директоръ Статсъ-Секретарь Баронъ М. Корфъ.

Помощникъ Директора Князь В. Одоевскій.

IX.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ

Управленія Училища Евангелической Церкви Св. Петра

Seiner Excellenz, dem Wirklichen Staatsrathe, Herrn

NICOLAI von GRETSCH.

Den zahlreichen Glückwünschen, die Ihnen zu Ihrem heutigen Jubelfeste von allen Seiten zukommen werden, fügt das Allerhöchst verordnete Directorium der Schulen der evangelischen St. Petrikirche, eingedenk der von Ihnen als Lehrer an der St. Petrischule vor mehr als vierzig Jahren geleisteten Dienste, den seinigen bei. Denn Ihre Wirksamkeit an jener Lehranstalt ist, obgleich nur von kurzer Dauer, doch von nachhaltiger Wirkung gewesen, deren wohlthätige Folgen sich noch bis auf den heutigen Tag fühlbar machen. Sie haben dazu beigetragen, die Methode einzuführen, nach welcher der Unterricht in der Russischen Sprache mit anerkannt gutem Erfolge in der St. Petrischule ertheilt wird. Die unterzeichneten Mitglieder des Directoriums der St. Petrischule ergreifen daher mit Vergnügen die Gelegenheit Ihres Jubelfestes, um Ihnen mit einem herzlichen

Glückwunsche zu dieser seltenen Feier auch ihren Dank für die von Ihnen der Schule geleisteten Dienste darzubringen.

Dr. *Gustav v. Lerche.*

Dr. *Fr. Lorentz*, Director der St. Petrischule.

Gustav Reinhold Taubenheim, Pastor d. Evang. Luth. St. Petrigemeinde und Assessor d. Consist.

D. K. Frommann, Pastor an St. Petri.

Ludwig Heyse, Mitglied des Kirchenraths.

X.

ПРИВѢТСТВІЕ

Берлинскаго Военнаго Общества

Hochwohlgeborner Herr! Hochverehrter Herr Staats-Rath!

Durch die Zeitungen ist uns bekannt geworden, dass Sie demnächst das so hoch erfreuliche fünfzigjährige Jubiläum Ihrer so segensreichen Thätigkeit in allen den Richtungen feiern werden, welche Ihren Namen nicht allein in Russland, sondern in ganz Europa so hoch gestellt. In der uns überaus werthen Erinnerung, dass Sie unsere Versammlungen wiederholt durch Ihre eben so belehrende als erfreuende Anwesenheit geehrt und in aufrichtigem Danke dafür, dass Sie in Ihrer Zeitschrift unsere bescheidenen Bestrebungen freundlich anerkannt, fühlen wir uns gedrungen, Ihnen bei dieser Gelegenheit auch aus der Ferne unsere aufrichtigsten Glückwünsche zu dem Ehrentage Ihres Jubiläums darzubringen.

Unter so vielen Ehrenden und Erhebenden als Ihnen die Anerkennung Ihres Kaiserlichen Herren und Ihres Vaterlandes bringen wird, hat zwar ein so bescheidener Glückwunsch, als der unsrige, kaum ein Recht auf Beachtung. Möge aber die Herzlichkeit mit der wir ihn dem, um sein Vaterland hochverdienten Manne zurufen, ihm ein Plätzchen in Ihrer Erinnerung gewinnen.

Der Himmel erhalte Sie den Ihrigen, Ihrem Kaiser und Ihrem Vater-

lande noch lange in ungeschwächter Kraft und lasse Sie auch ferner mit vollster Genugthuung auf ein segensreiches Wirken zurückführen!

Das wunschen von Herzen und in aufrichtigster Theilnahme

die Mitglieder der Militairischen Gesellschaft

L. Schneider,	*v. Witzleben*,	*von Schinding*,
Königlicher Hofrath	Hauptm. im Ersten Garde-Reg zu Fuss	Hauptmann im 1te Garde-Reg.

(als Vorstände.)

Potsdam, den 20-sten December 1854.

XI.

НѢКОТОРЫЯ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ПИСЕМЪ И ПР.,

ПОЛУЧЕННЫХЪ ЮБИЛЯРОМЪ.

1.

НА ЮБИЛЕЙ Н И. ГРЕЧА

Позволь въ привѣтъ, но съ искреннимъ сознаньемъ,
Сказать тебѣ, внушенное душой,
И со святымъ тебѣ воспоминаньемъ —
Соединить день юбилея твой,
Я помню мать въ твоемъ семейномъ кругѣ,
Примѣръ ума, радушья, доброты,
Она жила — отрадой въ сынѣ другѣ,
Ея любви не позабудешь ты.
Такъ! есть для душъ сближеніе участья,
Между взятыхъ отъ міра и живыхъ,
Не можетъ быть холоднаго безстрастья,
Господь любви не разлучаетъ ихъ! —
И въ этотъ день, когда твое стремленье —
Полезнымъ быть, увѣнчано хвалой,
Здѣсь матери твоей благословенье, —
Невидимо склонилось надъ тобой [1]).

Б. Федоровъ.

---

[1]) Стихи эти положены въ ящикъ, со стихами другихъ на юбилей Николая Ивановича

2.

Н. И ГРЕЧУ.

Въ честь того, кто для науки
Годы лучшіе обрёкъ,
Кто роднаго слова звуки
Въ формы новыя облёкъ,
Съ рѣчью русскою, пѣвучей,
Насъ знакомилъ и дружилъ,
И тайникъ ея, могучій,
Полнъ богатства, намъ раскрылъ!

Въ честь того, кто въ дни невзгоды,
Какъ на Русь, на смертный бой,
Вёлъ Европы всей народы
Счастья баловень съ собой,
На врага воспрянулъ смѣлый —
Сынъ Отечества возникъ —
И Россіи за предѣлы
Прогремѣлъ побѣдный кликъ!

Въ честь того, кто крыльямъ Пчелки
Мысли, чувства повѣрялъ;
Городскія вѣсти, толки
Подмѣчалъ и собиралъ;

Намъ романомъ, или шуткой
Услаждалъ досужій часъ;
Въ длинный вечеръ прибауткой
Мастерски цвѣтилъ разсказъ!

Многихъ нѣтъ!... Иной далече,
Зналъ кто трудъ, дѣлилъ досугъ!
Но припомнитъ имя Греча
Не одинъ нашъ тѣсный кругъ!
Будутъ помнить и потомки;
Съ нимъ навѣкъ слилась пора
Дѣтскихъ лѣтъ!... И тостъ мой громкій:
Благодарное ура!

Озмобишнымъ.

3.

ТОСТЪ ВЪ ЮБИЛЕЙ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА,
27 Декабря 1854.

Наконецъ, юбилей —
И тебѣ, нашъ почтенный
Ветеранъ-грамотѣй! —
Въ этотъ день вожделѣнный,
Собрались откутить,
Дружелюбной семьею,
Всѣ, кто только цѣнить
Можетъ, русской душею,
Тѣ заслуги, что̀ Гречъ —
Оказалъ, очищая
Православную рѣчь,
Даровавъ ей, впопадъ,
Грамматическій складъ....
И, ура! и, многи лѣта! —
Гречу нашему отъ насъ,
Средь заздравнаго привѣта,
Въ добрый часъ!
Въ добрый часъ!

Да одною ли только
И грамматикой взялъ,

Ты, нашъ книжникъ, что̀ столько
Умныхъ книгъ написалъ,
На вѣкȕ своемъ умномъ,
Умнымъ, бойкимъ перомъ,
Въ свѣтѣ черпая шумномъ,
И игривымъ умомъ,
Съ поэтическимъ жаромъ —
За сюжетомъ сюжетъ,
Нашъ словесникъ, не даромъ,
Съ девятнадцати лѣтъ!...
И, ура! и, многи лѣта! —
Гречу нашему отъ насъ,
Средь заздравнаго привѣта,
Въ добрый часъ!
Въ добрый часъ!

Филологъ и грамматикъ,
Географъ — педагогъ,
Педагогъ — математикъ,
И историкъ, въ итогъ —
Человѣческихъ знаній,
И притомъ романистъ,
Не безъ грѣзъ и мечтаній....
Наконецъ, журналистъ,
И туристъ европейскій,
И острякъ на словахъ,
Какъ острякъ и фернейскій, —
Гречъ, Вольтеръ нашъ въ очкахъ!...
И, ура! и, многи лѣта! —
Гречу нашему отъ насъ,
Средь заздравнаго привѣта,
Въ добрый часъ!
Въ добрый часъ!

Вотъ, кажись бы, и холодъ —
Долженъ ты навѣвать .
Все жъ еще сердцемъ молодъ,
Такъ умѣешь писать,
Что и въ эти-то лѣты,
У тебя подъ перомъ,
Строки жизнью согрѣты,
Искрясь пылкимъ умомъ! .
И, ура! и, многи лѣта! —
Гречу нашему отъ насъ,
Средь заздравнаго привѣта,
Въ добрый часъ!
Въ добрый часъ!

И архи-грамотѣй,
Разнородно-ученый, —
Торжествуй юбилей,
Такъ тобой заслуженный, —
Что и русскую рѣчь,
Какъ достойный сподвижникъ
Славы русской, о Гречъ,
Первенствующій книжникъ,
Оковалъ, не въ накладъ, —
Въ грамматическій складъ!...
И, ура! и, многи лѣта! —
Гречу нашему отъ насъ,
Средь заздравнаго привѣта,
Въ добрый часъ!
Въ добрый часъ!

В. Любичъ-Романовичъ.

4.

Н. И. ГРЕЧУ.

Настанетъ скоро день желанный,
Раздастся стукъ заздравныхъ чашь,
И засіяетъ увѣнчанный
Подъ лавромъ ликъ почетный вашъ!
Умомъ глубокимъ, чудной силой
Умѣли вы себѣ стяжать
Уже безсмертье до могилы;
За то вамъ наше: исполать!
Безъ битвы знали вы побѣды;
На васъ иная благодать;
И то чему учились дѣды
То будутъ внуки повторять,
И разнесутъ далеко звуки
Пятьдесятъ-лѣтія зарю
Служенья вашего наукѣ,
Литературѣ и Царю!
Господь подай вамъ долголѣтье!
Пусть будетъ ваша жизнь свѣтла!
Свершайте снова полстолѣтья,
Трудолюбивый какъ пчела!

А. Кресинъ.

Къ симъ стихамъ присовокуплено было Г. Кресинымъ слѣдующее:

»Почитатель вашъ, молодой содержатель гостинницы Ефимъ Лукичъ Редуевъ, у котораго я живу уже шестой мѣсяцъ, чувствуя всю пользу и

цѣну вашей грамматики, посредствомъ которой онъ руководствовался во все время своего ученія на школьной скамейкѣ, просилъ меня доставить вамъ, вмѣстѣ съ моей посылкой, *кулебяку*, приготовленную лучшимъ его поваромъ, изъ свѣжихъ невскихъ сиговъ, только что привезенныхъ изъ Петербурга.

«Ефимъ Лукичъ Редуевъ льститъ себя надеждою, что даръ — чисто русскій — не будетъ отвергнутъ отцомъ Русскаго Языка, съ восторгомъ поднесенный благодарнымъ питомцемъ русской незатѣйливой школы, въ которой красовалось и повторялось имя ваше.»

Пріятный этотъ подарокъ былъ полученъ за три недѣли до дня юбилея, 6-го Декабря, въ самой день имянинъ юбиляра. Не было возможности сохранить кулебяку такъ долго, и гости Николая Ивановича скушали ее на здоровье, выпивъ тостъ за Е. Л. Редуева.

К. П.

5.

VIRO EXCELLENTISSIMO,

annis meritisque venerabili

NICOLAO JOANNIDAE DE GRETSCH,

Aug. Imperialis Russ. reapse a Consiliis publicis, Equiti illustrissimo, Academiae Imper. disciplinarum et Bibliothecae Imperialis publicae Socio honorario, etc.

SOLEMNIA SEMI-SAECULARIA

munerum quibus per decem lustra functus de institutione juvenili in Russia omnique literarum Russicarum cultu optime meritus est

d. 27. Decemb. 1854 Petropoli celebranda

summa qua par est veneratione

gratulatur

DR. CH. FR. WALTHER.

Fortunate Senex, quae lux Tibi ab aethere risit!
Sunt bis quinque hodie lustra peracta Tibi,
Ex quo Tu patriae vires operamque ministras
Muneribus variis, arte, labore, fide.
Quantus ubique strepit plausus laetusque tumultus
Consensu unanimi Te celebrare studens!
Ipse Pater Patriae pietatis praemia pendens
Insignem insigni cingit honore virum.

Judicio celso cui plaudit Russia docta,
Plaudit Petropolis lactaque vota dicat.
Nos quoque conjunxit, meminisse juvat, studiorum
Vinclum et nunc socios Bibliotheca facit.
Plausibus hinc populi liceat mihi jungere vota
Versiculis, odium non timeo, Latiis. —

Festa cohors celebrat pia, millia discipulorum,
Qui fuerant olim penduli ab ore Tuo.
Illi omnes nectunt capiti immortalia serta
Doctorique suo praemia digna ferunt.
Nec docuisse gregem contento gloria crevit,
Ipsos doctores, Vir venerande, doces.
Sparsisii innumeris doctrinae semina libris
Atque diu volitant scripta per ora virûm.
Russorum doctor, Tu princeps grammaticorum,
Quam premerent ceteri, munierasque viam.
Dictio quae valeat, quae non sit Russica, per Te
Perspicue edoctum certaque norma data est.
Pieridum Tu Russicolûm columenque decusque
Strenuus interpres pandere linguae et opes.
Facundae per Te suavissima gratia linguae
Omnibus emicuit, copia larga, vigor.
Ast alii virides cingunt Tibi tempora lauri
Atque aliis studiis praemia parta virent.
Nam „Borealis Apis“ Tibi nomine et omine fausto
Extitit ingenii gloria magna Tui.
Arte pari Tecum sollers Bulgarinus, ambo
Dulcia ceu sedulae mella paratis apes.
Eminet hic pietas studium patraeque salutis
Quae curae et cordi est nocte dieque Tibi.
Fortiter impugnas patriae convicia vana
Hostibus ac stultis aspera hella moves.

Macte Tua pietate! Dedit sua praemia virtus!
Cernite nunc Gretschi gaudia rara senis!
Sed quid plura loquor? — Genius libamina poscit
Atque meri dulcis pignora laeta dies.
Tres cyathos primos victricia Caesaris arma,
Christicolûm ac Patriae gloria honorque petunt!
Vina propinentur Tibi! Vive valeque beatus!
Lustraque contingant bis Tibi dena! Vale!

Dr. Ch. Fr. Walther.

6.

Dem Jubilar Gretsch,

am 27 December 1854.

Die Jugend prunkt mit ihren Blüthen,
Und doch war jeder jung einmal; —
Im Rosenlicht die Wangen glüthen,
Und trotzig blickt' des Auges Strahl. —
Für Geist gilt oft der Jugend Feuer,
Für Dichter — Klang aus goldner Leyer.

—

Doch kommt der Winter angeschlichen,
Und streut sein Silber in das Haar,
Sind Rosenwangen dem erblichen,
Erlosch der Blitz im Augenpaar;
Dann gleichet mit gekrümmtem Nacken,
Der Greis den ausgebrannten Schlacken.

—

Doch wo in frischer Jugendblüthe
Der Geist den Körper überragt,
Wo Dichterquell tief in Gemuthe
Von Wunderharmonien sagt,
Die Götterklänge zu uns bringen,
Und tief in Geist und Herz uns dringen;

Wird noch der Greis zum Frühlingsengel,
Ein ewig junges Blüthenreis,
Da fühlt man nicht der Erde Mängel,
Der Geist erringt den Siegespreis,
Und jauchzend schallen Sphärenlieder
Zu seinem Ruhm vom Himmel nieder.

—

So stehst Du jetzt vor meinen Blicken,
Du, hochbeglückter Jubilar!
Aus Eden möcht' ich Blumen pflücken,
Zu kränzen reich dein Silberhaar.
Der geistigen Jugend Himmelsquelle
Perlt reich in deiner Herzensquelle.

—

Ja, glühend steigt zum Himmelsdom
Für dich mein innigstes Gebet,
Dass ewig frisch im Zeitenstrom
Fest steht dein Bild, du Geist-Athlet!
Wenn längst mein Herz in Staub zerfallen
Mag kräftig noch dein Lied erschallen.

—

Nimm hin den Kranz, den dir gewunden,
Ein Weib, das kindlich dich verehrt,
Dem du, in vielen trauten Stunden,
So manches Edle hast gelehrt.
Zum wohlverdienten Festesglücke,
Dein edles Haupt der Lorbeer schmücke [1]).

A. B.

---

[1]) При этихъ стихахъ присланъ былъ въ залу торжества лавровый вѣнокъ, увитый бѣлою лентою, съ шифромъ юбиляра. Стихи сочинены, или доставлены, одною изъ первыхъ артистокъ Санктпетербургскаго Нѣмецкаго Театра.

7.

An Gretsch [1]).

Zur Jubelfeier seiner fünfzigjährigen literarischen Wirksamkeit, den 27. December 1854.

Nah' und fern grüsst Dich im Zarenlande
Reinsten Dankes lauter Jubelruf,
Hehre Freude glänzt im Lichtgewande,
Jauchzt den Werken, die Dein Geist erschuf.
Ja, so weit der Reussen Sprache klinget,
Wird mit Stolz Dein Name auch genannt,
Den ein halbes Säculum umschlinget
Mit des Ruhmes frischem Blüthenband.

Was du gabst, es lebt durch alle Zeiten,
Bleibt ein Denkmal Deiner geist'gen Kraft,
Die so rastlos strebte fortzuschreiten,
Die ein halb Jahrhundert nicht erschafft.
Wie Dir Aller Blicke froh begegnen,
Deinem Fest die Freude Weirauch streut,
Werden Enkel Deine Urne segnen,
Wenn Du einzogst zur Unsterblichkeit.

---

[1]) Напечатано въ № 286 Спб. Академическихъ Вѣдомостей, 24 Декабря 1854 г.

Glücklich wir, die heute Dich begrüssen,
Von der gold'nen Feier Glanz umstrahlt,
In den Freudethränen, die Dir fliessen,
Ist die Würd'gung Deines Werths gemalt.
Weile lange noch in uns'rer Mitte,
Viel des Schonen spende uns Dein Geist,
Ew'ge Jugend schweb' um Deine Schritte,
Wie sie jetzt die heit're Stirn umkreist!

A. Tollert.

8.

ПИСЬМО

Протоіерея Павскаго [1])

Милостивый государь, Николай Ивановичъ!

Отъ души поздравляю васъ, любезнѣйшій, что вы достигли пятидесятилѣтія вашихъ трудовъ на пользу отечества, особенно по отношенію къ Русскому Слову. Пріятно оглянуться назадъ и видѣть, какое вы заслужили уваженіе у всѣхъ любящихъ Русской Языкъ. Хотѣлось бы и мнѣ видѣть, какъ вы радуетесь и какъ другіе вмѣстѣ съ вами радуются вашему юбилею, но болѣзнь удерживаетъ меня дома и едва едва допускаетъ до церкви, для обыкновеннаго нашего служенія И потому заочно поздравляю васъ и сорадуюсь вамъ.

Уважающій васъ, придворной Таврической церкви Протоіерей

Герасимъ Павскій.

---

[1]) Изъ совмѣстниковъ своихъ на поприщѣ Русской Грамчатики, Николай Ивановичъ пригласилъ на свой юбилей двоихъ: Александра Христофоровича Востокова и Герасима Петровича Павскаго. Александръ Христофоровичъ былъ на юбилеѣ Въ концѣ обѣда, Николай Ивановичъ желалъ, съ согласія и одобренія Г Министра Народнаго Просвѣщенія, провозгласить тостъ за здоровье сего достойнаго и ревностнаго дѣятеля, подвизающагося на полѣ Русской Филологіи въ теченіе пятидесяти лѣтъ, но это желаніе осталось безъ исполненія, потому что Г. Востоковъ въ то время уже уѣхалъ — Герасимъ Петровичъ удержанъ былъ отъ посѣщенія юбилея болѣзнію, и поздравилъ юбиляра помѣщаемымъ здѣсь письмомъ

9.

ПИСЬМО

Г. Реннера фонъ-Эстеррейхера [1])

Monsieur,

Les feuilles publiques ont récemment annoncé que vous êtes sur le point d'atteindre votre jubilé semi-séculaire, et qu'avec l'autorisation de S. M L'Empereur, un comité s'est institué à l'effet de regler les détails de cette fête, dont la célébration aura lieu à la fin de ce mois d'une manière conforme à la bienveillance dont Sa Majesté Impériale vous honore, et aux éminentes qualités qui vous distinguent.

Permettez, Monsieur, à une de vos anciennes connaissances de venir, quoique de bien loin, s'associer à ceux qui à l'occasion de cette solennité vous apportent de tous côtés leurs félicitations, et agréez les voeux sincères qu'il forme pour que vous puissiez jouir pendant de longues années encore de cette estime générale dont vous êtes à si juste titre entouré.

J'ose espérer que vous recevrez gracieusement ces compliments et ces voeux, d'un homme que vous avez sans doute oublié, mais dont le souvenir se réveillera peut-être dans votre mémoire, lorsque je vous aurai dit qu'à

---

[1]) Въ 1817 году Н. И Гречъ, путешествуя по Швейцаріи съ родственникомъ своемъ И К. Борномъ, встрѣтился и познакомился съ Г Реннеромъ фонъ-Эстеррейхеромъ, датскимъ консуломъ въ Триестѣ. Они провели вмѣстѣ нѣсколько дней, и искренно полюбили другъ друга. Н И упоминалъ объ этой встрѣчѣ въ своихъ письмахъ изъ Швейцаріи Съ тѣхъ поръ они не видались и не переписывались. Нынѣ Г Реннеръ, узнавъ о предстоящемъ юбилеѣ Н И, поздравилъ его этимъ письмомъ, приносящимъ равную честь имъ обоимъ

la mi-septembre de l'année 1817, nous nous rencontrames près de Francfort sur M., que nous fimes ensemble le voyage de Suisse, pour nous quitter à Zürich, après avoir visités la chute du Rhin près de Schaffhouse, et avoir échangés trois exemplaires de cette vue, au bas desquels nous inscrivimes réciproquement notre nom. L'un de ces trois dessins fut remis a. M. de Born qui se trouvait avec nous.

Depuis ce temps j'ai précieusement conservé cette vue marquée de votre signature, qu'accompagne la qualité de «Rédacteur du Fils de la Patrie» et dont je pourrais au besoin soumettre l'authenticité à votre inspection.

Le temps que nous avons passé ensemble m'a laissé un souvenir toujours vivant dans mon esprit, malgré le grand nombre d'années qui depuis se sont écoulées, non sans laisser leurs traces sur notre tête, et c'est ce souvenir qui m'a dicté les lignes que vous venez de lire et les sincères félicitations qu'elles renferment.

S'il vous plaisait me favoriser de quelques mots de réponse, je les recevrais avec d'autant plus de plaisir qu'ils me prouveraient que vous n'avez point tout à fait mis en oubli un homme qui, sur les bords de l'Adriatique où il passe ses jours, espère, s'il plait à Dieu, célébrer de son côté, l'année prochaine, son jubilé consulaire.

Agréez dans tous les cas, Monsieur, l'assurance de la parfaite considération avec laquelle j'ai l'honneur, etc.

Trieste, le 18 décembre 1854.

J. P. Renner d'Oesterreicher,
Consul général de S. M. Danoise, commandeur de Danebrogue.

10.

ПИСЬМО

Войсковаго Старшины Г. Иванова къ одному изъ учредителей юбилея.

Родясь въ отдаленномъ, степномъ краю, въ Астрахани, когда учебныя пособія были тамъ еще очень бѣдны, я не могъ получить основательнаго образованія. Въ Астрахани хотя и была гимназія, но я долженъ былъ оставить ее чрезъ три мѣсяца — по случаю смерти родителей моихъ, — ихъ похитила у меня страшная чума въ 1808 году, — и я остался круглымъ сиротой, 15 лѣтъ отъ роду. Уже офицеромъ и адъютантомъ былъ я, когда вышла Грамматика Николая Ивановича Греча, которой я не имѣлъ времени вполнѣ изучить, занятый службой и дѣлами, но обязанъ ей тѣмъ, что хотя сколько нибудь могъ усвоить себѣ правила роднаго языка нашего, такъ превосходно Н. И. изложеннаго. До земли кланяюсь Его Превосходительству, и пользуясь случаемъ, посылаю при семъ и мою лепту для юбилея, вполнѣ имъ заслуженнаго. Велики заслуги Николая Ивановича на литературномъ его поприщѣ! Помню, какъ теперь, съ какою жадностію читали мы, Русскіе, журналъ его «Сынъ Отечества,» превосходный и по языку, и по изложенію, и по духу Перо Николая Ивановича для враговъ какъ русскій штыкъ, какъ казачья пика, какъ пуля финскаго стрѣлка. Да продлитъ Господь Богъ жизнь его еще на многія лѣта!

Войсковой Старшина, или казакъ
Егоръ Ивановъ.

12 Декабря 1854.
Городъ Або, Финляндія

II.

FÊTE DU JUBILÉ SEMI-SÉCULAIRE

DE

Mr Nicolas Gretsch,

le 27 décembre dernier [1])

Je ne sais comment j'en causerai, mais voici un sujet qui a jeté mon esprit dans un monde de rêverie, d'émotion et d'orgueil Pouvait-il en être autrement à la vue de l'hommage public rendu par une phalange de hautes intelligences et de hauts dignitaires; par la naissance, les titres et la fortune; par tout ce qui brille, par tout ce qui impose, par tout ce qui est enviable, à l'homme modeste qui se présentait paré du simple titre de publiciste, d'écrivain, d'homme de lettres? à cette vue, l'attendrissement m'a gagné, et bientôt, songeant que le plus humble pouvait, par le fidèle culte de la pensée, arriver à ce magnifique résultat, j'ai senti un souffle d'orgueil soulever ma poitrine.

En vérité c'est une chose bien merveilleuse que le pouvoir occulte, mais réel, de cette chose insaisissable, dont le principe échappe à la raison même, et que tous les hommes reconnaissent, la pensée! qui peut se voiler par moments, mais qui ne s'éteint jamais, la pensée, la reine du monde, que bravèrent les barbares de l'antiquité, que foulèrent aux pieds les bar-

---

[1]) Изъ № 597 Journal de St Pétersbourg, 5 Января 1855 г.

bares des invasions occidentales, mais sous laquelle ils ne tardèrent pas à courber le front, comme le fier Sicambre sous l'eau salutaire du baptême, qui devait rendre toute sa dignité à la pensée! Je ne dis là rien de fort nouveau, je le sais: mais le soleil n'est pas nouveau, l'Océan et ses horizons ne sont pas nouveaux, et pourtant tout cela n'a pas cessé de vous émerveiller. Il y a des gens qui vous disent avec assurance: Ne parlez plus de ceci, c'est une vérité, sans doute, mais elle est si vieille! Ne parlez plus de rien alors, parce que tout est vieux; murez votre esprit, soufflez sur votre intelligence et vous ensevelissez dans le sommeil des ténèbres... là il n'y a rien de vieux, si ce n'est les ténèbres mêmes Je sais bien qu'on va m'objecter «le lieu commun;» je n'accepte point le prétexte: le lieu commun a des signes distinctifs et auxquels on ne saurait se tromper: il n'est qu'un pâle clair de lune de la pensée, le mot est de Rivarol: c'est le faux-semblant de l'idée, quelque chose de vide, de froid, d'inerte, de mort; il n'a ni feu, ni couleur, ni âme, ni caractère; qui ose le confondre avec la vérité, la vérité éternelle, qui est aujourd'hui ce qu'elle fut hier, et qui est toujours bonne à montrer et bonne à voir!... que penseriez-vous d'un homme qui vous dirait: le soleil me fatigue les yeux; éteignez cette chandelle?

Donc ce qu'on a dit de la pensée, hier, peut se dire encore aujourd'hui. Un amant s'est-il jamais lassé de dire à l'objet de sa passion: je t'aime? c'est pourquoi, je le répète, la pensée est une grande et belle chose, toujours merveilleuse, toujours puissante, toujours attrayante et aimable. Quoiqu'on dise, quoiqu'on fasse, elle fait briller sur le front de l'homme l'étoile qui atteste sa céleste origine! Ainsi pensait Pascal, le grand penseur! Mais si telles sont les qualités de la pensée, quelle estime ne mérite point celui qui a fait de son culte l'occupation de sa vie entière; qui n'a eu d'autre ambition que de la répandre, qui l'a honorée par son esprit, par ses travaux, par sa parole! Et je parle ici de la pensée sage et utile, qui porte en elle la vie et, avec la vie, l'avenir, parce qu'elle est riche et fécondante, parce qu'elle est généreuse, parce qu'elle nourrit, parce qu'elle éclaire, parce qu'elle crée, parce qu'elle immortalise! je parle de la pensée qui appartient à toutes les faces de l'intelligence humaine, qui appartient

aux arts comme à la philosophie, qui parle la langue du poète comme celle de l'homme d'État, qui ne saurait s'emprisonner aux frontières d'un pays, et se croire étrangère au Nord parce qu'elle naquit au Midi; qui est la même pour toutes les latitudes, la même pour toutes les races, la même pour tous les peuples. — Qu'elle s'exprime, en effet, par la bouche d'Homère ou de Virgile, de Socrate ou de Sénèque: que Dante ou Shakespear les formulent, Camoëns ou Goethe, Pascal ou Leibnitz, Châteaubriand ou Pouschkine, elle appartient également à la grande famille des nations civilisées. C'est pourquoi nos pères avaient imaginé ce qu'on appela longtemps la république des lettres. Quelles étaient les limites de cette étrange république? où était-elle située? quel nom avait sa capitale? quel nom son peuple? — Cette république, elle existait partout où se trouvait un cerveau pour produire une pensée, une langue pour la formuler, une plume pour l'écrire. Magnifique association que celle qui resserrait ainsi dans le même faisceau moral toutes les intelligences d'élite éparses sur les divers points du monde, merveilleuse idée que celle qui leur donnait une patrie commune, les faisant membres de la même famille, leur inspirant un seul intérêt, une seule passion, l'amour de la verité, amour saint, que renferme tout entier le culte de la pensée!

Ainsi je rêvais à toutes ces choses, en sortant, lundi de la semaine dernière — 27 décembre — de la fête jubilaire de M. N. Gretsch, l'âme encore tout émue des honneurs qu'un grand pays représente par tout ce qu'on peut voir d'éminent dans les lettres, dans les arts, dans la science, dans la guerre, dans l'administration, dans la législation, dans l'industrie, dans le commerce, venait de rendre à un de ces hommes modestes et célèbres auxquels je viens de faire allusion, intelligences utiles, qui ajoutent aux lumières de leur pays, à la gloire duquel se mêle leur propre lustre, et qui appartiennent d'ailleurs à cette grande famille intellectuelle de l'humanité que le monde entier réclame.

Mais avant de raconter la fête, que je dise quelques mots de celui qui en fut l'objet; avant de raconter les honneurs, que je fasse connaître le héros. Qu'on se garde de croire, toutefois, que je prétende tracer ici une biographie régulière; à d'autres ce soin, cette biographie a d'ailleurs été

faite déjà, et j'ai pu me convaincre, en y jetant les yeux, de la plénitude laborieuse, de l'activité haletante de cette existence d'homme de lettres et de publiciste, de grammairien et d'homme d'esprit, d'écrivain, de voyageur, de penseur humoristique, que cinquante ans de travaux, de luttes, de voyages, de pensées, d'écrits, de paroles et d'ardeur, n'ont encore pu ni fatiguer ni épuiser! .. Toujours sur la brèche, l'œil aux aguets, l'oreille tendue et la plume taillée, il n'attend que le moment et l'occasion, prêt à faire feu de sa verve et de son esprit: gare à qui se trouve devant!

M. Gretsch appartient par son origine à la Bohême. Les persécutions religieuses jettèrent, au commencement du XVIIe siècle, ses aïeux dans l'émigration ils se retirèrent en Prusse l'un d'eux fut poussé en Russie: c'était son bis-aïeul. Je ne signale ce fait que pour en rappeler un autre, cette vieille hospitalité de la terre russe, si souvent devenue la patrie des plus honorables étrangers.

Quant à M. Nicolas Gretsch, il me suffira de dire qu'après avoir fait de rapides et bonnes études avec cet esprit impatient et cette vive intelligence qui l'ont toujours caractérisé, il les recommença pour ainsi dire afin de les renforcer, suivant le matin les cours des écoles, et le soir se livrant lui-même à l'enseignement pour subvenir à ses propres besoins et à l'éducation de deux sœurs chéries; car c'est une justice qu'il est important de lui rendre, M. Gretsch eut toujours le cœur aussi bon et généreux que l'esprit animé. Cet enseignement, il le commença en 1804, — point de départ de cette active carrière d'un demi-siècle, qu'on vient de célébrer; — deux ans plus tard, en 1806, la traduction d'un livre allemand marquait ses premiers pas dans la voie politique, et, l'année suivante, le publiciste se révélait dans la rédaction d'une feuille qui avait pour titre: *le Génie du temps.* Bientôt après, il éditait *le Journal des voyages modernes*, puis il s'essayait dans la philologie russe et publiait *un Essai sur la conjugaison.*— C'était en 1811. Ses jeunes travaux furent honorés de l'ordre de Saint-Vladimir de la 4e classe. 1812 arrive; époque solennelle pour la Russie — solennelle et grave — qui devait donner au monde le merveilleux spectacle d'une double épopée aux proportions gigantesques de constance et de bravoure, ici sublime par l'héroïsme du sacrifice, ici admirable par l'héroïsme

de la retraite! — Deux peuples vaillants en présence — qui apprennent sur les champs de bataille à se connaître et à s'estimer!

A cette époque donc, la Russie avait senti bouillonner dans son sein tout son vieux sang slave; on vit les écrivains quitter la plume pour prendre l'épée: il y en eut qui s'emparèrent de la lyre de Tyrthée: M. Gretsch créa un journal, *le Fils de la Patrie*, recueil national, dont l'idée seule recommandait le jeune publiciste à la reconnaissance de son pays — il avait vingt-cinq ans. — Ce recueil est resté plus d'un quart de siècle entre les mains de M. Gretsch. — Qu'on me permette de me hâter. La paix se fit. Le journaliste revint un instant à ses travaux philologiques. il jeta les bases d'une grammaire russe, bientôt les voyages le tentèrent. Il visita Paris, mais en esprit attentif et curieux qui cherche quelque butin intellectuel à faire: il y prit la méthode d'enseignement lancastrien, qu'il introduisit dans son pays, au profit des soldats de la garde — Bientôt après, il s'associa avec un homme d'esprit, M. Boulgarine, devenu depuis son collaborateur, et fonda avec lui une feuille politique et littéraire, *l'Abeille du Nord:* le publiciste avait reparu; c'était en 1825. — Cette feuille se répandit, la pensée politique pénétra pour la première fois dans les classes populaires, le sentiment patriotique se systématisa, si l'on peut ainsi parler; il fut éclairé, soutenu et dirigé, et, suivant la belle devise du régénérateur de l'Empire: *vires aquirit eundo.* Que nous importe que deux ans plus tard, le journaliste ait publié sa *grammaire:* c'était un délassement qu'il donnait à son esprit actif, habitué d'ailleurs à l'abstraction méthodique.

M. Gretsch veut goûter toutes les émotions de l'écrivain: le voici qui publie un roman, *la Femme noire*, dont le grand défaut à l'étranger fut d'avoir été très-mal traduit en français, défaut malheureusement commun à la plupart des livres russes. Nous ne tardons pas à trouver notre publiciste, notre grammairien, notre romancier à la tête de la rédaction d'un dictionnaire encyclopédique.. Son nom et son exemple donnèrent une singulière ardeur à cette entreprise nationale: c'était à qui se ferait enrôler dans la phalange de ses rédacteurs, que devait diriger ce chef vaillant et expérimenté: malheureusement l'imprévoyance ou l'inhabileté de l'éditeur empêcha l'œuvre d'arriver à son terme.

Après ces travaux encyclopédiques, l'écrivain a besoin d'un délassement sérieux: il va visiter l'Allemagne et l'Italie: mais, là encore, il travaille pour son pays: l'*Abeille du Nord* devient la confidente de ses impressions, de ses remarques, de tout ce qu'il voit, de tout ce qu'il pense. De retour, le voyageur monte en chaire et professe un cours public de littérature russe; sa parole lucide, spirituelle, attachante, captivait ses nombreux auditeurs, tandis que sa plume facile continuait à confier à l'*Abeille du Nord* ses rapides improvisations. Je vous dis que l'activité de cet esprit était fébrile, dévorante; et je ne vous parle pas de ses nombreuses relations tant à l'étranger que dans son pays. Il serait long d'énumérer toutes ses relations, toutes ses correspondances, toutes ses amitiés littéraires. L'Académie des sciences d'Upsal, la Société philologique de Francfort, l'Institut national de Washington le comptent au nombre de leurs membres, ainsi que toutes les Sociétés littéraires de la Russie.

Je le dis encore: je ne pretends point ici faire la biographie de M. Gretsch, j'ai simplement voulu donner une idée de cette vie pleine d'ardeur, de cet esprit curieux, prime-sautier, impatient, capricieux, étendu, passionné — passionné et paradoxal peut-être, ce qui appartient aux esprits d'initiative — mais toujours net, lucide et piquant. Il faut voir M. Gretsch au millieu d'un cercle d'amis intimes, chez lui, par exemple, à sa table hospitalière, que couronne la plus charmante famille, et où manque rarement quelque convive cordial, il faut le voir là, ou plutôt l'entendre, dans le laisser-aller, je dirais presque dans le déshabillé de son esprit attrayant: que d'étincelles éblouïssantes et qui petillent! que d'anecdotes piquantes, qui empruntent à sa parole caustique un nouveau charme! que de mots, que de traits, que d'allusions imprévues!.... l'épigramme, lorsqu'elle s'échappe de ses lèvres narquoises et souriantes, est toujours finement aiguisée, mais n'a rien de cruel: seulement tant pis pour la sottise qui se présente à elle; que voulez-vous, s'est le propre des gens d'esprit de n'aimer pas le sots: je m'en rapporte à nos lecteurs: les aiment-ils beaucoup?

M. Gretsch manie également bien l'allemand et le français, mais en fait de langue étrangère, il donne sans contredit la préférence à celle-ci, dont il connaît merveilleusement les finesses et les ressources, et dont le caractère a de singulières analogies avec la tournure de son esprit; aussi ne craint-il pas de dire que l'étude de la langue française n'a pas été sans influence sur la connaissance qu'il a acquise de la sienne propre. On voit que M. Gretsch n'est pas de ceux qui font de la langue une question de patriotisme: il sait que la place du patriotisme est dans le cœur.

Voici une esquisse sans doute bien imparfaite de cette physionomie originale et vive d'un des hommes les plus réellement remarquables dans les cinquante dernières années du mouvement intellectuel de la Russie, et qui, comme on a pu le voir, y a dignement tenu sa place. Le lecteur voudra bien compléter ces lignes hâtives: il suffit qu'elles ne manquent pas de justesse.

Depuis plusieurs semaines les journaux avaient annoncé, avec la gracieuse et bienveillante autorisation de S. M. l'Empereur, la célébration du jubilé semi-séculaire du doyen des hommes de lettres et des publicistes russes M l'amiral Ricord, M. l'aide-de-camp-général Rostovtsoff, MM. les conseillers privés Kniajevitch, Panaïeff et comte Tolstoï, ordonnateurs et directeurs de la fête, ouvrirent une souscription, qu'il fallut bientôt fermer, le nombre des signatures ayant dépassé celui des personnes que pouvait contenir la salle du festin.

C'était, comme je l'ai dit, le 27 décembre dernier· dès quatre heures de l'après-midi, commencèrent à arriver à la file devant le perron intérieur du vaste bâtiment du 1er Corps des Cadets, où devait avoir lieu la fête, les voitures et les traîneaux, élégants ou modestes, suivant la fortune ou la position de l'arrivant. Des officiers recevaient les convives au haut du splendide escalier: ensuite des officiers supérieurs les introduisaient dans une vaste salle où se confondaient dans un désordre pittoresque et charmant toutes les célébrités de la capitale, généraux, hommes de cour, savants, artistes, poëtes, journalistes, libraires... C'était comme une fra-

ternité familière et de bon goût. Les étrangers se trouvaient là en petit nombre, cependant la France, l'Allemagne, la Suède, la Suisse, l'Italie, y étaient honorablement représentées.

Le héros de la fête arriva. Il fut aussitôt entouré, pressé, presque porté en triomphe: on pénétra sur ses pas dans la salle du festin. Le spectacle était magnifique. Les tables étincelantes de cristaux et de fleurs étaient dressées avec élégance: des flots de lumière s'échappaient des grands lustres attachés au plafond, et inondaient la vaste salle. M. Gretsch était placé au millieu de la table de droite, de manière à regarder le Portrait de l'Empereur, à sa gaucha était M. le ministre de l'instruction publique et à sa droite M. le directeur de la Bibliothèque Impériale publique de St-Pétersbourg, consacrant ainsi dignement l'un et l'autre par leur présence cette belle fête des lettres, dont les nobles directeurs se trouvaient de l'autre côté de la table vis-à-vis du jubilaire, à l'exception toutefois de M. l amiral Ricord, son ami intime, qu'une sérieuse indisposition avait retenu chez lui.

On avait eu l'heureuse idée d'élever sur l'un des côtés de la salle, et de manière à ce qu'elle la dominât, une estrade élégante bordée de plantes et de fleurs exotiques, derrière lesquelles on pouvait distinguer des robes et des chapeaux élégants, dont les couleurs soyeuses et chatoyantes donnaient à l'ensemble du tableau un charme infini. Il eût en vérité manqué quelque chose à la fête, si les yeux n'avaient pu se reposer sur ces massifs de fleurs, à travers lesquels on voyait rayonner tant de curieux et doux regards féminins. Là se trouvait entre autres la famille de M. Gretsch, sa sœur bien-aimée, ses filles, spirituelles et charmantes, sa bru également charmante et d'une beauté si remarquable.

Que dirai-je du dîner? rien n'y manqua, ni la bonne chère, ni l'esprit, ni le bon vouloir des convives; la joie et le vin circulaient à la ronde; arriva le moment du champagne, ce compagnon français de toutes les fêtes, le champagne qui pétille et dénoue l'esprit, qui pétille et ouvre le cœur, et dispose l'âme aux élans enthousiastes... Les toasts étaient réglés

d'avance: d'abord, «S. M. l'Empereur, S. M. l'Impératrice, la Famille Impériale, l'Hôte Auguste du lieu, S. A. I. Mgr le Grand-Duc Héritier, le gracieux Protecteur de toutes les Écoles militaires;» vinrent ensuite les toasts portés «à la prospérité de la Russie, à l'admirable armée russe, aux progrès intellectuels de l'Empire, enfin, au héros du festin, le spirituel, le digne et savant jubilaire »

Est il besoin de dire les triples et quadruples salves de hourrahs qui accompagnaient ces santés, les transports et les cris qui se mêlaient joyeusement aux fanfares de cuivres retentissants .. les battements de mains, le choc des verres et des assiettes, qui se mêlait à ce concert un peu confus de l'enthousiasme et des émotions de tous?.. On décrit toujours froidement de pareilles choses: il faut les voir ou les imaginer, en se plaçant à leur point de vue

Les toasts finis, un magnifique vase en vermeil, précieux par la matière et le travail, mais plus precieux par le souvenir qu'il devait perpétuer, fut offert au jubilaire ému. Ici une députation d'élèves du 1er Corps des Cadets vint le féliciter; des discours furent prononcés. Je ne saurais vous entretenir de celui de M. Gretsch: la foule qui formait un triple rempart devant lui me permit à peine d'en saisir quelques fragments. Je pus comprendre seulement qu'il y parlait de sa jeunesse, de ses parents, de sa chère et excellente mère. C'était nécessairement parler de lui, mais M Gretsch ne le fit qu'avec modestie, en homme d'expérience et de cœur Il s'abstint de nommer les vivants, à l'exception du comte Ouvaroff, ancien ministre de l'instruction publique, et qui fut son bienfaiteur, et d'un brave bourgeois qui jadis était venu en aide à la fondation du *Fils de la Patrie.* Je ne dois pas oublier la distribution qui fut faite à tous les convives du 27 décembre de la biographie et du portrait du héros de la journée, ainsi que de quelques imprimés, parmi lesquels des vers de M. Zotoff à M. Gretsch; puisque je parle de vers, je veux citer la muse latine de M. Walther, muse savante, qui, elle aussi, a célébré dignement le doyen des lettres russes.

Et qu'il me soit permis en terminant de rappeler un souvenir, dût-il jeter une ombre de tristesse mélancolique sur la pure émotion de cette

fête; il y manquait deux témoins, deux jeunes gens, prématurément frappés par la mort, dont l'un était déjà même vaillamment entré sur les pas de son père, dans la carrière des travaux de l'intelligence, et qui, l'un et l'autre, eussent dignement perpétué son nom; mais Dieu ne lui a pas tout ravi, puisqu'il lui a laissé deux petits-fils, rejetons bien-aimés de sa chère famille. Que le Ciel seulement lui accorde assez d'années encore pour diriger leurs jeunes pas dans la route si souvent épineuse, et toujours si importante, de la première éducation.

Charles de Saint-Julien.

12.

СТАТЬЯ АНГЛІЙСКАГО ЖУРНАЛА [1]).

The Times, Thursday, December 14, 1854.

At the beginning of this month, in addition to the usual solemnities attached to the anniversary of the present Emperor's accession to the throne, St. Petersburg was to witness a jubilee in honour of the Staatsrath Nicolaus Iwanowitsch Gretsch, the editor of the *Northern Bee*. This individual adds to his many other valuable qualities of *homme de lettres* that of being one of the chief fomenters of the Russian hatred for the English, a specimen of which I will give directly. In recognition of his many merits, the Emperor has given orders for a magificent present to be prepared for him, and his peculiar friends, through whose means he receives his instructions from the highest regions. Admiral Ricord, General-Adjutant Rostowzow, Geheimerath Panajew, Graf Tolstoi and Graf Knjasewitch, have undertaken to receive all the other presents intended to this champion of Russianism. According to Staatsrath Gretsch, the English are the most greedy of conquest, the most tyrannical and at the same time, the most narrowsouled nation of shopkeepers in the world Under the cloak of philantropic or Christian

---

[1]) На колесницѣ римскаго тріумфатора, стоялъ позади побѣдоноснаго полководца подлый рабъ, и старался обидными ругательствами умѣрить порывъ его самолюбія Такъ и мы, послѣ выраженія чувствъ справедливости, уваженія и любви, помѣщаемъ изліяніе злобы и ругательствъ враговъ Россіи на одного изъ усерднѣйшихъ слугъ ея, припоминая умное замѣчаніе И. А Крылова

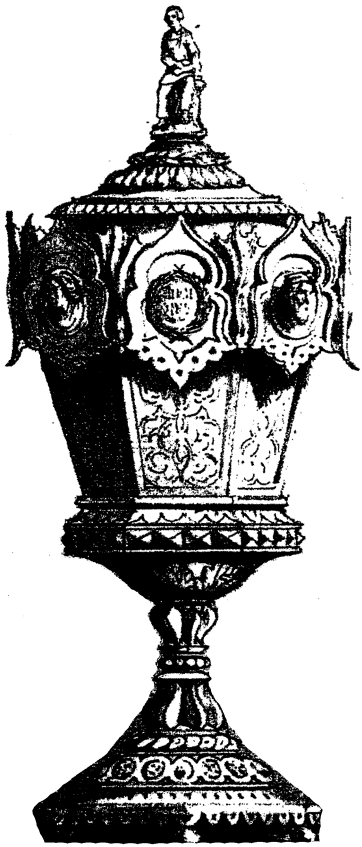
Въ томъ вѣрно толку нѣтъ, кого самъ хвалитъ врагъ!

undertakings England always pursues her own mercantile aims. As she founds in Russia an obstacle to these undertakings, nothing was more natural than that she should so shuffle the cards of politics as that the present conflict must necessarily arise. Let the dice that are now thrown turn up as they may, England must and shall moderate the cold calculating greed, that impels her to suck the globe dry for her own selfish ends. Should the Russian Cabinet, out of regard for its neighbours, for the present hold her hand, it will, as long as Russia and England exist, continue to be the task of the former, in the interest of all the nations of the earth, to restrain within bounds, or to destroy, the exhausting, draining policy of England.

Переводъ.

Въ началѣ настоящаго мѣсяца, въ добавленіе къ обыкновеннымъ торжествамъ, сопряженнымъ съ годовщиною восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Императора, С. Петербургъ будетъ присутствовать на юбилеѣ въ честь Статскаго Совѣтника Николая Ивановича Греча, издателя Сѣверной Пчелы. Это лице представляетъ, съ многими своими драгоцѣнными достоинствами какъ литератора, одного изъ главныхъ возбудителей русской ненависти къ Англичанамъ, образчикъ чего я представлю немедленно. Въ подтвержденіе его многихъ заслугъ, Императоръ повелѣлъ изготовить великолѣпный подарокъ для него и его особенныхъ друзей, чрезъ посредство которыхъ онъ получаетъ свои инструкціи отъ высшихъ властей. Адмиралъ Рикордъ, Генералъ-Адъютантъ Ростовцовъ, Тайный Совѣтникъ Панаевъ, Графъ Толстой и Графъ Князевичъ, взялись принимать у себя всѣ другія приношенія, назначаемыя для поборника *руссіанизма*. По словамъ Статскаго Совѣтника Греча, Англичане сильно жаждутъ завоеваній; это самая тиранская, и въ то же время самая бездушная во всемъ мірѣ нація лавочниковъ. Подъ личиною филантропическихъ или христіанскихъ начинаній, Англія постоянно стремится къ своимъ торговымъ цѣлямъ. Такъ какъ она встрѣчаетъ въ Россіи препятствіе этимъ предпріятіямъ, то весьма естественно, что она стасовала политическія карты такимъ образомъ, что по необходимости

возникло настоящее столкновеніе. Пусть нынѣ брошенныя кости упадутъ по произволу, но Англія должна умѣрить и умѣритъ холодную, разсчетливую жадность, заставляющую ее высасывать до капли земной шаръ, для своихъ своекорыстныхъ выгодъ. Хотя бы въ настоящее время Россійскій Кабинетъ и протянулъ свою руку, изъ вниманія къ своимъ сосѣдямъ, однако, пока Россія и Англія существуютъ, назначеніе первой заключается въ томъ, чтобы, для выгоды всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ, удерживать въ предѣлахъ, или уничтожить истощительную, разорительную политику Англіи.



ВАЗА

поднесенная

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ

ГРЕЧУ,

въ день празднованія юбилея его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности, 27 го Декабря 1854 года.

XII.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ ОСОБЪ,

ИЗЪЯВИВШИХЪ ЖЕЛАНІЕ УЧАСТВОВАТЬ ВЪ ЮБИЛЕѢ.

Его Императорское Высочество, Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.
Алимпіевъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Алфераки, Николай Дмитріевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Алферовскій, Василій Абрамовичъ.
Аншу, Петръ Ѳедоровичъ, Вице-Адмиралъ.
Аппенковъ, Николай Петровичъ, Генералъ отъ Инфантеріи.
Аницыферовъ, Петръ Петровичъ, Подполковникъ.
Аплечеевъ, Алексѣй Всеволодовичъ.
Апраксинъ, Петръ Ѳедоровичъ, Надворный Совѣтникъ.
Арбузовъ, Николай Алексѣевичъ, Коллежскій Ассессоръ
Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ, Тайный Совѣтникъ
Аргамаковъ, Семенъ Трофимовичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Атрыганьевъ, Капитанъ-Лейтенантъ.
Баггоутъ, Карлъ Ѳедоровичъ, Полковникъ.
Безакъ, Александръ Павловичъ, Генералъ-Адъютантъ.
Безакъ, Николай Павловичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Безакъ, Павелъ Павловичъ, Полковникъ.
Безсоновъ, Алексѣй Степановичъ, Надворный Совѣтникъ.
Безцѣнный, Михаилъ Алексѣевичъ.
Бекетовъ, Владиміръ Николаевичъ, Статскій Совѣтникъ
Бернардаки, Егоръ Дмитріевичъ.
Бларамбергъ, Ипполитъ Ивановичъ, Полковникъ.
Бобринскій, Графъ Алексѣй Алексѣевичъ, Надворный Совѣтникъ
Богдановичъ, Модестъ Ивановичъ, Полковникъ.
Бодянскій, Павелъ.

Бойковъ, Коллежскій Ассессоръ
Болтинъ, Ив А , Статскій Совѣтникъ
Бромевскій, Дмитрій Богдановичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Брюловъ, Александръ Павловичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, Статскій Совѣтникъ
Булгаринъ, Болеславъ Ѳаддеевичъ
Булгаринъ, Владиславъ Ѳаддеевичъ
Бунинъ, Иванъ Петровичъ, Статскій Совѣтникъ
Бурмашевъ, Владиміръ Петровичъ.
Будкій, Николай Петровичъ, Капитанъ-Лейтенантъ
Вальтеръ, Ѳедоръ Яковлевичъ, Коллежскій Совѣтникъ
Вальцъ, Александръ Ивановичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Варгунинъ, Александръ Ивановичъ
Васильевъ, Коллежскій Совѣтникъ
Ватацій, Александръ Ивановичъ, Полковникъ
Вейнарнъ, Александръ Петровичъ, Флигель-Адъютантъ
Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ, Маіоръ
Вело, Баронъ Осипъ Осиповичъ, Генералъ-Лейтенантъ
Вильде, Густавъ Андреевичъ
Вильчинъ, Егоръ Егоровичъ.
Висковатовъ, Александръ Васильевичъ, Генералъ-Маіоръ.
Волконскій, Князь Дмитрій Петровичъ, Гофмейстеръ.
Воронецъ, Яковъ Владиміровичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Воскобойниковъ, Василій Кузмичъ, Надворный Совѣтникъ.
Востоковъ, Александръ Христофоровичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ.
Гагаринъ, Князь Левъ
Гаевскій, Семенъ Ѳедоровичъ, Тайный Совѣтникъ.
Гаевскій, Павелъ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ
Гасфельдъ, Иванъ Петровичъ
Гауфъ, Баронъ
Гейдемрейхъ, Богуславъ Богуславичъ, Академикъ
Гейне, Максиміліанъ Ивановичъ, Докторъ Медицины
Главеманъ, Готлибъ Александровичъ, Контръ-Адмиралъ
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ.
Голиковъ, Николай Яковлевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Голицынъ, Князь Борисъ Дмитріевичъ, Капитанъ 2-го ранга.
Горяйновъ, Алексѣй Алексѣевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Гофманъ, Андрей Логиновичъ, Тайный Совѣтникъ
Граббе, Павелъ Христофоровичъ, Генералъ-Адъютантъ.
Григоровичъ, Василій Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Груберъ, Эваристъ Андреевичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Грумъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.
Демезонъ, Петръ Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Денинъ, Филиппъ Филипповичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ.
Дерикеръ, Василій Васильевичъ.

Долгоруковъ, Князь Владиміръ Андреевичъ, Генералъ-Маіоръ
Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ, Генералъ-Лейтенантъ
Дурновъ, Павелъ Дмитріевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Еврейновъ, Алексѣй Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Еврейновъ, Алекс Алекс Студентъ
Есауловъ, Викторъ Павловичъ, Полковникъ
Ждановъ, Семенъ Романовичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Ждановъ, химикъ
Желтухинъ, Владиміръ Петровичъ, Генералъ-Лейтенантъ
Жиль, Флоріанъ Антоновичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Жирардъ, Ф И, Полковникъ
Завадовскій, Графъ Василій Петровичъ, Сенаторъ.
Замятинъ, Дмитрій Николаевичъ, Сенаторъ.
Зедделеръ, Баронъ Николай Логиновичъ, Гв Поручикъ
Зейдлицъ, Полковникъ
Зотовъ, Рафаилъ Михайловичъ, Статскій Совѣтникъ
Зотовъ, Владиміръ Рафаиловичъ,
Зубовъ, Графъ Николай Дмитріевичъ.
Зубовъ, Алексѣй Николаевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Иванов, Егоръ, Войсковой Старшина.
Игнатьевъ, Павелъ Николаевичъ, Генералъ-Адъютантъ
Исаковъ, Яковъ Алексѣевичъ, книгопродавецъ.
Исаковъ, Василій Алексѣевичъ, книгопродавецъ.
Іохимъ, Карлъ Ивановичъ, художникъ.
Кабатъ, Иванъ Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Казнинъ, Николай Глѣбовичъ, Вице-Адмиралъ
Казначеевъ, Александръ Ивановичъ, Сенаторъ.
Калгинъ. почетный гражданинъ.
Кандалинцевъ, Николай Ѳедоровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Карамзинъ, Иванъ Петровичъ, Полковникъ.
Кашевскій, Николай Адамовичъ, Надворный Совѣтникъ.
Кешенъ, Петръ Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Кистеръ, Баронъ Карлъ Хр, Коллежскій Совѣтникъ
Классовскій, Владиміръ Игнатьевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Клементьевъ, Никтополіонъ Михайловичъ, Тайный Совѣтникъ.
Клодтъ фонъ Юргенсбургъ, Баронъ Владиміръ Карловичъ, Генералъ-Маіоръ
Клодтъ фонъ Юргенсбургъ, Баронъ Петръ Карловичъ, Статскій Совѣтникъ
Клодтъ фонъ Юргенсбургъ, Баронъ Константинъ Карловичъ, Арт Капитанъ
Княжевичъ, Александръ Максимовичъ, Сенаторъ
Княжевичъ, Владиславъ Максимовичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Княжевичъ, Максимъ Дмитріевичъ, Надворный Совѣтникъ
Княжевичъ, Антонинъ Дмитріевичъ, Коллежскій Ассессоръ
Ковалевскій, Евграфъ Петровичъ, Сенаторъ.
Коми, Ѳедоръ Алексѣевичъ
Константиновъ, Константинъ Ивановичъ, Полковникъ.

Корсини, Іеронимъ Дементьевичъ, Коллежскій Ассессоръ.
Корфъ, Баронъ Модестъ Андреевичъ, Дѣйств. Тайный Совѣтникъ.
Корфъ, Баронъ Николай Ивановичъ, Генералъ отъ Артиллеріи.
Корфъ, Баронъ Юлій Ѳедоровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Корфъ, Баронъ Ѳедоръ Николаевичъ, Коллежскій Ассессоръ.
Костомаровъ, Михаилъ Николаевичъ, Гв. Капитанъ.
Кочубей, Демьянъ Васильевичъ, Дѣйств. Тайный Совѣтникъ.
Кочубей, Александръ Васильевичъ, Дѣйств. Тайный Совѣтникъ.
Кочубей, Аркадій Васильевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Красовскій, Александръ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Кривошишинъ, Иванъ Григорьевичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Кригеръ, Генералъ.
Кронъ, Ѳедоръ Абрамовичъ,
Куликовъ, Николай Ивановичъ.
Купреяновъ, Иванъ Антоновичъ, Вице-Адмиралъ.
Курдюмовъ, Генералъ-Маіоръ.
Кусовъ, Николай Ивановичъ, Дѣйст. Статскій Совѣтникъ.
Кусовъ, Иванъ Александровичъ, Полковникъ.
Кушакевичъ, Александръ Яковлевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Кушелевъ-Безбородко, Графъ Александръ Григорьевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Кушниковъ, Александръ Николаевичъ, Генералъ-Маіоръ.
Лазаревъ, Иванъ Якимовичъ, Каммергеръ.
Лазаревъ, Христофоръ Якимовичъ, Каммергеръ.
Лазаревъ, Павелъ Лазаревичъ, 9-го класса.
Ланъ, Генрихъ Ипполитовичъ, Коллежскій Ассессоръ.
Лаутонъ, Карлъ Ивановичъ.
Лебедевъ, Петръ Семеновичъ, Полковникъ.
Левенстимъ, Коммерціи Совѣтникъ.
Левшинъ, Алексѣй Иракліевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Лексъ, Михаилъ Ивановичъ, Тайный Товѣтникъ.
Ленцъ, Ѳедоръ Ивановичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Линденъ, Константинъ Александровичъ, Полковникъ.
Липранди, Иванъ Петровичъ, Дѣйств. Статскій Сдѣтникъ.
Лисенко, Иванъ Тимоѳеевичъ, книгопродавецъ.
Лихонинъ, Орестъ Семеновичъ, Генералъ-Маіоръ.
Лобановъ-Ростовскій, Князь Николай Алексѣевичъ.
Лобановъ-Ростовскій, Князь К.
Ломновскій, Петръ Карловичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Лубяновскій, Ѳедоръ Петровичъ, Сенаторъ.
Лукьяновичъ, Николай Александровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Лундъ, Константинъ Карловичъ, Капитанъ.
Маасъ, Ѳома Ефимовичъ, Вице-Консулъ.
Майеръ, Александръ Леонтьевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Малыгинъ, купецъ.
Мальцовъ, Иванъ Сергѣевичъ, Тайный Совѣтникъ.

Марковъ, Михаилъ Александровичъ, Полковникъ
Масловъ, Дмитрій Николаевичъ, Полковникъ
Медемъ, Баронъ Николай Васильевичъ, Генералъ-Лейтенантъ
Меймандеръ. Оттонъ Ивановичъ, Генералъ-Лейтенантъ
Мендтъ, Карлъ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ
Меншиковъ, Павелъ Николаевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Миллеръ.
Миллеръ, негоціантъ
Мирковичъ, Ѳедоръ Яковлевичъ, Генералъ отъ Инфантеріи.
Милорадовичъ, Александръ Григорьевичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ.
Мофферрамъ, Статскій Совѣтникъ
Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Николаевичъ, Тайный Совѣтникъ
Мюссаръ, Евгеній Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Неизвѣстный П. и А
Неизвѣстныхъ двое.
Неймамъ, Полковникъ.
Нелюбинъ, Александръ Петровичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Немысскій, Петръ Ѳедоровичъ, Полковникъ
Никитинъ, Александръ Никитичъ, Статскій Совѣтникъ
Николаевъ, Алексѣй Николаевичъ, Коллежскій Совѣтникъ
Новосильскій, Павелъ Михайловичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ.
Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ, Тайный Совѣтникъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія.
Ободовскій, Платонъ Григорьевичъ, Статскій Совѣтникъ.
Одоевскій, Князь Владиміръ Ѳедоровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Озмобишинъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Ольхинъ, Александръ Александровичъ, Полковникъ
Очкинъ, Амплій Николаевичъ, Статскій Совѣтникъ
Павловскій, Дмитрій Михайловичъ, Полковникъ.
Павловскій, Генералъ-Маіоръ
Павскій, Герасимъ Петровичъ, Протоіерей.
Палкинъ, почетный гражданинъ
Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Панаевъ, Петръ Владиміровичъ, Коллежскій Совѣтникъ
Перевлѣсскій, Петръ Мироновичъ, Коллежскій Совѣтникъ
Персонъ, Иванъ Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Перцовъ, Эрастъ Петровичъ
Плаксинъ, Василій Тимоѳеевичъ, Статскій Совѣтникъ
Повдѣевъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, Статскій Совѣтникъ
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ
Политковскій, Владиславъ Гавриловичъ, Генералъ-Маіоръ.
Политковскій, Всеволодъ Гавриловичъ, Статскій Совѣтникъ
Половцовъ, Викторъ Андреевичъ, Генералъ-Маіоръ
Поль, Петръ Ивановичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ.
Пономаревъ, Пр. Ив.
Пономаревъ, Левъ Дмитріевичъ

Поповъ, Гаврилъ Степановичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Порюсъ-Визопурскій, Кн.
Постельсъ, Александръ Филипповичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Прокоповичъ-Антонскій, Дмитрій Михайловичъ, Тайный Совѣтникъ
Прянишниковъ, Ѳедоръ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ
Путята, Дмитрій Васильевичъ, Генералъ-Маіоръ
Рамзай, Эдуардъ Андреевичъ, Генералъ-Лейтенантъ
Рашетъ, Евгеній Карловичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Реймботъ, Павелъ Антоновичъ, Статскій Совѣтникъ.
Ремеръ, Николай Ѳедоровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Ренненкампфъ, Павелъ Карловичъ, Генералъ-Маіоръ
Рикордъ, Петръ Ивановичъ, Адмиралъ
Романовичъ, Василій Игнатьевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Родзянко, Михаилъ Гавриловичъ, Статскій Совѣтникъ
Розенъ, Баронъ Иванъ Ѳедоровичъ, Генералъ-Лейтенантъ
Ростовцовъ, Яковъ Ивановичъ, Генералъ-Адъютантъ.
Ростовцовъ, Василій Ивановичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Ротчевъ, Александръ Гавриловичъ, Титулярный Совѣтникъ
Рюминъ, Владиміръ Николаевичъ, Гв Штабсъ-Капитанъ
Рѣпинскій, Косьма Григорьевичъ, Тайный Совѣтникъ
Сабуровъ, Андрей Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ
Савиковъ, Академикъ.
Сальковъ, Александръ Николаевичъ, Титулярный Совѣтникъ
Самойловъ, Николай Степановичъ, Надворный Совѣтникъ
Самойловъ, Василій Васильевичъ
Самысловъ, купецъ
Самсе, Графъ Эдуардъ Александровичъ, Статскій Совѣтникъ
Сапожниковъ, Андрей Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Сапожниковъ, Александръ Александровичъ
Свистуновъ, Алексѣй Николаевичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Семеновъ, Алексѣй Васильевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Сенъ-Жюльенъ, Карлъ Андреевичъ, Коллежскій Совѣтникъ
Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ, Тайный Совѣтникъ
Сивербрикъ, Ефимъ Ивановичъ, Генералъ-Маіоръ
Сидомскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, ключарь Казанскаго Собора
Сименьниковъ, Генералъ-Маіоръ.
Слонецкій-Михайловскій, Коллежскій Совѣтникъ
Смѣльскій, Елизаръ Никитичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Соловьевъ, почетный гражданинъ.
Соловьевъ, почетный гражданинъ.
Стандершельдъ, Э К, Гв Капитанъ.
Стенбокъ, Графъ Юлій Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ
Степановъ, Иванъ Сергѣевичъ, чиновникъ 6-го класса
Стефанъ, Густавъ Ѳедоровичъ, Генералъ-Маіоръ
Струговщиковъ, Александръ Николаевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.

Струковъ, Генералъ-Маіоръ
Суттовъ, Александръ Николаевичъ, Генералъ-Маіоръ
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, Адъюнктъ-Профессоръ
Таль, Яковъ Христіановичъ
Тарасенко-Атрѣшковъ, Наркизъ Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ
Таубе, Фердинандъ Ивановичъ, Полковникъ
Телятовскій, Аркадій Захаровичъ, Генералъ-Маіоръ
Тимминъ, Василій Ѳедоровичъ, художникъ.
Тихоновъ, Константинъ Ивановичъ, Полковникъ.
Толстой, Графъ Ѳедоръ Петровичъ, Тайный Совѣтникъ
Толстой, Ѳеофилъ Матвѣевичъ, Каммеръ-Юнкеръ
Трубецкой, Князь П
Турумовъ, Яковъ Николаевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Турчаниновъ, Андрей Петровичъ, Статскій Совѣтникъ
Ульрихсъ, Ѳедоръ Юлиевичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Усовъ, Степанъ Михайловичъ, Статскій Совѣтникъ
Усовъ, Павелъ Степановичъ, Коллежскій Секретарь
Усовъ, Михаилъ Степановичъ, Коллежскій Секретарь
Устряловъ, Николаи Герасимовичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Устряловъ, Ѳедоръ Герасимовичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Уткинъ, Николай Ивановичъ, Надворный Совѣтникъ
Уткинъ, художникъ
Федоровъ, Михаилъ Ивановичъ
Федоровъ, Борисъ Михайловичъ, Коллежскій Совѣтникъ
Фелькейзенъ, Константинъ Карловичъ.
Фермеръ, Павелъ Ѳедоровичъ, Полковникъ
Филипповъ, Василій Павловичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Францъ, С П
Фрейгангъ, Петръ Ивановичъ, Генералъ-Маіоръ
Фрицше, Юлій Ѳедоровичъ, Статскій Совѣтникъ.
Фурманъ, Петръ Романовичъ
Фусъ, Павелъ Николаевичъ, Дѣйств Статскій Совѣтникъ
Хатовъ, Иванъ Ильичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Хотинскій, Матвѣй Степановичъ
Христіани, Василій Христіановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Цвѣтковъ, Василій Михайловичъ, Полковникъ.
Цукато, Графъ Николай Егоровичъ, Полковникъ.
Чекмаревъ, Иванъ Гавриловичъ, Полковникъ
Шакѣевъ, Александръ Венедиктовичъ, Статскій Совѣтникъ.
Шателенъ, Александръ Карловичъ.
Шванвичъ, Дмитрій Никитичъ, Генералъ-Маіоръ
Шлейхеръ, Францъ Карловичъ, Статскій Совѣтникъ
Шлиппенбахъ, Баронъ Константинъ Антоновичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Штакеншнейдеръ, Андрей Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Штиглицъ, Баронъ Александръ Любимовичъ, Статскій Совѣтникъ.

Штиглицъ, Николай Борисовичъ, Статскій Совѣтникъ
Шуваловъ, Графъ П. Павл
Шульгинъ, Иванъ Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ
Щукинъ, Николай Семеновичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Эвальдъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Статскій Совѣтникъ.
Эверсій, Статскій Совѣтникъ
Эссенъ-Стенбокъ-Ферморъ, Графъ Яковъ Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Юркевичъ, Петръ Ильичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Юханцовъ, Николай Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Якынов, Александръ Петровичъ, Генералъ-Маіоръ
Якобсонъ, Иванъ Давыдовичъ, Тайный Совѣтникъ
Федоровъ, Павелъ Степановичъ, Статскій Совѣтникъ